

марованне

АЖУАЛІ МАКНОТ

Гледаць
людзкое

ЗУБІНІА ПМ

Романтическая серия

Джудит Макнот

Нечто чудесное

«АСТ»

1988

Макнот Д.

Нечто чудесное / Д. Макнот — «АСТ», 1988 — (Романтическая серия)

Судьба словно играла юной Александрой Лоренс, подбрасывая ей сюрприз за сюрпризом. Сначала, совсем еще девочкой, толком не успев понять, что произошло, она стала женой герцога Джордана Хоторна. Затем – почти сразу же – получила известие о гибели мужа и, после долгих сомнений, без любви согласилась вступить в новый брак. Но во время венчания в соборе появился... Джордан, «воскресший из мертвых» и отнюдь не желающий отдавать другому ту, которую мучительно ревнует и страстно любит, ту, которую намерен заставить полюбить себя... Джеффри Кларку, чей необычайный ум и дар предвидения позволили ему просить руки самой прелестной женщины в мире, и моей дочери Уитни, оказавшейся достаточно мудрой, чтобы ответить согласием. Приношу горячую благодарность Мелинде Хелфер за поддержку и ободрение в создании этого романа, а также Роберту А. Вулфу, чьи компетентность и доброта позволили мне сосредоточиться на работе и предоставить ему справляться с остальными делами.

© Макнот Д., 1988

© АСТ, 1988

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джудит Макнот

Нечто чудесное

Глава 1

Блондинка с роскошными формами приподнялась на локте, натянула простыню на пышные груди и, слегка нахмурившись, пристально всмотрелась в красивое смуглое лицо восемнадцатилетнего юноши, стоявшего у окна спальни. Молодой человек небрежно прислонился к раме, разглядывая веселившихся на лужайке гостей – праздник в честь дня рождения его матери был в самом разгаре.

– Неужели вы там нашли нечто более привлекательное, чем я? – осведомилась леди Кэтрин Харрингтон, заворачиваясь в простыню и подходя к окну.

Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд, будущий герцог Хоторн, казалось, не слыша ее, продолжал смотреть на парк, раскинувшийся вокруг великолепного поместья, которое когда-нибудь, после кончины отца, станет его собственностью. Неожиданно он заметил, как из зарослей живой изгороди появилась мать и, украдкой оглядевшись, поправила корсаж платья и придала густым темным волосам какое-то подобие прически. Мгновение спустя рядом возник лорд Харрингтон, старательно поправляя шейный платок. Леди Хоторн взяла его под руку. Сквозь открытое окно до Джордана долетел их веселый смех.

Чувственные губы молодого человека тронула легкая циничная улыбка. Не успела мать со своим поклонником направиться через зеленеющий газон в беседку, как следом за ними вышел отец Джордана и, осмотревшись, помог выбраться леди Милберн, своему последнему увлечению.

– По всему видно, матушка обзавелась новым любовником, – саркастически бросил Джордан.

– Неужели? – отозвалась леди Харрингтон. – И кто же это?

– Ваш муж.

Джордан обернулся к женщине и изучающим взглядом впился в нее, словно пытается найти хоть какой-то признак удивления. Но, ничего не обнаружив, усмехнулся. На лице застыла привычная ироническая маска.

– Вы знали, что они должны встретиться в лабиринте, и этим вызван внезапный, ничем не объяснимый интерес ко мне и моей постели, не так ли?

Леди Харрингтон кивнула, неловко пожившись под неумолимым взором холодных серых глаз.

– Я подумала, – пробормотала она наконец, – что будет забавно, если бы и мы тоже... как это сказать... познакомились поближе. Но мой интерес к вам и вашей постели вовсе не столь уж внезапен, Джордан. Я так долго хотела вас. Теперь, когда ваша мать и мой муж наслаждаются друг другом, почему не получить то, чего я так желала? Не нахожу в этом ничего предосудительного.

Джордан промолчал, и Кэтрин кокетливо улынулась.

– Вы шокированы?

– Нет, – последовал бесстрастный ответ. – Я уже лет с восьми знал о романах матери и сомневаюсь, что какой-либо поступок женщины может меня шокировать. Говоря по правде, я несколько удивлен, что вы не устроили маленькое совместное свидание... я бы сказал, семейную встречу, – с намеренно оскорбительным высокомерием закончил Джордан.

– Ну вот, теперь вы сумели шокировать меня, – в притворном ужасе охнула женщина.

Джордан лениво протянул руку и приподнял подбородок Кэтрин, словно исследуя ее лицо жесткими, чересчур пронизательными для своего возраста глазами.

– Вот в это почему-то верится с трудом.

Кэтрин, неожиданно смутившись, отняла руку от его груди и плотнее закуталась в простыню.

– Но, Джордан, я действительно не понимаю, почему вы смотрите на меня как на самое презренное существо в мире, – прошептала она с искренним недоумением. – Вы не женаты и не в силах понять, как невыносимо тосклива жизнь для всех нас. Без маленьких увлечений и супружеских измен мы просто сошли бы с ума от скуки.

Неподдельно трагические нотки в голосе женщины немного смягчили Джордана. Чувственный рот дернулся в пренебрежительной усмешке.

– Бедная душечка Кэтрин, – сухо заметил он, слегка проводя по ее щеке костяшками пальцев. – Что за жалкая участь у светских дам! С самого рождения у вас есть все на свете, и вам ни к чему трудиться, чтобы получить желаемое, да никто бы этого и не допустил. Мужчины считают вас своими игрушками, украшением гостиных и не позволяют упражнять ни ум, ни тело. У вас даже нет того, что стоило бы назвать честью, поскольку честь мужчины принадлежит ему, пока он способен ее защитить, ваша же – прячется между бедрами, и приходится отдавать ее первому же мужчине, который овладеет вами. Как несправедлива к вам жизнь! Неудивительно, что вы легкомысленны, распушенны, аморальны и так скучаете.

Кэтрин поколебалась, пораженная его словами, не вполне осознавая, сочувствует ли Джордан или попросту издевается, но тут же пожала плечами:

– Вы абсолютно правы.

Юноша с любопытством уставился на нее:

– И вам никогда не приходило в голову что-то изменить?

– Нет, – без обиняков призналась она.

– Преклоняюсь перед вашей честностью. Весьма редкая добродетель у слабого пола.

Непостижимое обаяние Джордана Таунсенда уже было предметом самых оживленных сплетен в обществе, и Кэтрин, глядя в эти циничные серые глаза, мгновенно почувствовала, что ее влечет к нему неведомо-притягательная сила. В его взгляде светились понимание, искорки юмора и неожиданная, не по годам, житейская мудрость. И не столько его необычайная внешность и неутомимость в постели, сколько именно эти качества делали его неотразимым для любой женщины. Джордан действительно понимал женщин, понимал ее, и хотя было очевидно, что он отнюдь не восхищался леди Харрингтон, зато принимал ее такой, какой она была на самом деле, со всеми слабостями и недостатками.

– Вы идете в постель, милорд?

– Нет, – мягко отказался Джордан.

– Почему?

– Я не умираю от тоски настолько, чтобы спать с женой любовника моей матери.

– Вы не... не слишком высокого мнения о женщинах, не так ли? – не сдержалась Кэтрин.

– Разве вы способны привести хотя бы один довод, чтобы убедить меня в обратном?

– Я... – Она прикусила губу и нерешительно покачала головой. – Нет... скорее всего нет.

Но когда-нибудь вам придется жениться, чтобы иметь детей.

Глаза Джордана весело сверкнули. Он оперся плечом о раму и скрестил руки на груди.

– Жениться? В самом деле? Только так и можно обзавестись детьми? Подумать только, и все это время я воображал...

– Джордан, да прекратите же, – смеясь, уговаривала Кэтрин, непреодолимо захваченная, неожиданно увлеченная этой доселе неведомой стороной его характера. – Вам нужен законный наследник.

– Когда мне придется связать себя брачными узами лишь во имя наследников, – с мрачным юмором ответил Джордан, – я выберу наивную малышку прямо со школьной скамьи, которая будет покорно исполнять мой малейший каприз.

– А если ей все надоест и она будет искать других развлечений? Что вы будете делать тогда?

– Считаете, ей может все надоест? – процедил он.

Кэтрин оглядела его широкие мускулистые плечи, загорелую грудь и узкую талию. Каждая клеточка Джордана Таунсенда положительно излучала примитивную мощь и неприкрытую чувственность. Ее зеленые глаза чуть прищурились.

– Возможно, нет.

Пока Кэтрин приводила себя в порядок, Джордан вновь отвернулся к окну, бесстрастно обозревая элегантно одетых гостей. Для любого постороннего человека поместье Хоторн сегодня, несомненно, выглядело цветущим раем, населенным прекрасными беззаботными тропическими птицами, гордо выступающими друг перед другом в блестящем оперении. Для восемнадцатилетнего Джордана Таунсенда в этой сцене не было ничего привлекательного; он слишком хорошо знал, что происходит в стенах этого дома, когда разъезжаются гости.

В свои годы он уже не верил в искренность и доброту людей, впрочем, не делая исключения и для себя самого. Судьба наградила его знатным происхождением, неотразимой внешностью и богатством; кроме этого, он уже успел пресытиться, не доверял ни одному человеку и никому не открывал душу.

* * *

Опершись маленьким подбородком о кулачки, мисс Александра Лоренс долго наблюдала за желтой бабочкой, присевшей на подоконник маленькой гостиной в коттедже ее деда. Лишь когда бабочка вспорхнула, девочка обернулась к беловолосому старцу, сидевшему за письменным столом:

– Что ты сказал, дедушка? Я не слышала.

– Осведомился, почему бабочка сегодня интересуется тобой больше, чем Сократ, – терпеливо повторил старик, постукивая пальцами по томуку трудов древнего философа и мягко улыбаясь миниатюрной тринадцатилетней девочке, унаследовавшей блестящие каштановые волосы матери и зеленовато-голубые глаза деда.

Ответная извиняющаяся улыбка могла бы растопить даже каменное сердце. Однако Александра не отрицала, что была слишком рассеянной, поскольку ее добрый высокообразованный дед не раз говаривал: «Ложь – оскорбление не только собственной души, но и умственных способностей человека, которому лжешь».

А девочка ни за что не посмела бы причинить боль этому прекрасному человеку, надевшему ее своей жизненной философией и обучившему математике, истории и латыни.

– Я просто гадала, – призналась она с тоскливым вздохом, – есть ли хоть малейшая надежда на то, что я сейчас в «стадии гусеницы» и когда-нибудь превращусь в такую же прекрасную бабочку.

– А что плохого в гусенице? В конце концов, – шутливо процитировал старик, – «красота зависит лишь от точки зрения наблюдателя». – И, весело сверкнув глазами, стал выжидать, узнает ли внучка автора изречения.

– Гораций, – немедленно объявила девочка, гордо вздернув нос.

Мистер Джимбл удовлетворенно кивнул:

– Не стоит беспокоиться о внешности, дорогая, – истинная красота расцветает в сердце и отражается в глазах.

Наконец она отстранилась, но что-то тут же пощекотало щеку старика. Тот рассеянно почесал зудевшее место, однако мгновение спустя зачесалась шея, потом правое ухо, и мистер Джимбл с трудом скрыл улыбку, поняв, что это внучка исподтишка орудует пером.

– Алекс, дорогая, – пробормотал он, – боюсь, какая-то хитрая маленькая птичка отвлекает меня от работы.

– Но ты слишком много трудишься, – запротестовала девочка, целуя деда в морщинистую щеку и возвращаясь на свое место, чтобы продолжить изучение Сократа. Однако уже через несколько минут ее и без того не очень пристальное внимание привлек червяк, медленно ползущий через порог.

– Если все во Вселенной служит Господнему промыслу, почему, как ты думаешь, он создал змей? Они такие уродливые. И ужасно противные.

Мистер Джимбл со вздохом отложил перо, но не смог устоять против ослепительной улыбки внучки.

– Обязательно спрошу у Господа, когда предстану перед ним.

При мысли о том, что дедушка может умереть, Алекс тотчас помрачнела, но, услышав стук колес экипажа, останавливающегося перед крытым черепицей коттеджем, молниеносно вскочила и метнулась к открытому окну.

– Это папа! – радостно вскричала она. – Папа приехал из Лондона!

– Давно пора, – проворчал мистер Джимбл, но Алекс, уже не слушая, помчалась на улицу и бросилась в сдержанные объятия отца.

– Как поживаешь, цыганочка? – спросил тот без особого интереса, обозревая дочь, одетую в свой любимый костюм – мужские брюки и крестьянскую блузу.

Мистер Джимбл поднялся и подошел к окну, хмуро наблюдая, как красивый мужчина помогает своей дочери усесться в новую изящную карету. «Модный экипаж, модные наряды, зато мораль и нравственность пещерного жителя», – рассерженно подумал мистер Джимбл, припомнив, как его дочь Фелисия была ослеплена внешностью и манерами молодого лондонца с той самой минуты, как его фаэтон сломался на дороге у их коттеджа. Мистер Джимбл весьма неохотно предложил незваному гостю провести у них ночь, вняв мольбам Фелисии, и даже позволил дочери прогуляться с незнакомцем и показать тому «прекрасный вид с холма над ручьем».

Когда совсем стемнело, а молодые люди все не возвращались, мистер Джимбл отправился на поиски, легко отыскав дорогу при свете полной луны. Он увидел их у подножия холма, обнаженных, в объятиях друг друга. Джорджу Лоренсу потребовалось менее четырех часов, чтобы Фелисия забыла о годах внушаемых ей жизненных принципах и отдалась ему.

Ярость, неукротимая и слепящая, вскипела в мистере Джимбле, но он нашел в себе силы, ни слова не говоря, скрыться во тьме. Два часа спустя он вернулся в дом в сопровождении доброго друга, местного vicar. Тот нес под мышкой Библию, без которой было невозможно провести церемонию бракосочетания. Мистер Джимбл сжимал в руках ружье с целью убедиться, что совратитель дочери согласится исправить содеянное. Он держал оружие впервые в жизни.

И что хорошего принес его праведный гнев Фелисии?

Мистер Джимбл угрюмо сдвинул брови. Джордж Лоренс купил ей большой обветшавший дом, в котором вот уже лет десять как никто не обитал, нанял слуг и девять месяцев после женитьбы даже жил вместе с женой в отдаленном маленьком графстве, где та родилась. Вскоре после появления на свет Александры Джордж вернулся в Лондон, где и остался, наезжая в Моршем два раза в год, недели на две-три.

– Он зарабатывает на жизнь как умеет, – объясняла Фелисия мистеру Джимблу, очевидно, повторяя слова мужа. – Джордж – джентльмен, и поэтому нельзя ожидать, чтобы он трудился как простой человек. Происхождение и связи позволяют ему вращаться в нужных кругах, встречаться со сведущими людьми и узнавать от них, в какое предприятие лучше вло-

жить деньги на бирже и на каких лошадей ставить на скачках. Только так он может нас содержать. Джорджу, естественно, хотелось бы, чтобы мы жили с ним в Лондоне, но ведение городского хозяйства ужасно дорого, а мой муж слишком благороден, чтобы поселить нас в тесной, неудобной, унылой квартирке, где вынужден обитать сам. Он приезжает так часто, как может.

Мистер Джимбл сильно сомневался в правдивости слов зятя, зато был уверен в причинах его появления в Моршеме два раза в год – недаром тесть пообещал снова одолжить ружье и отыскать его хоть на краю земли, если Джордж забудет о существовании жены и дочери. Тем не менее не было смысла ранить Фелисию жестокой правдой, ведь дочь считала себя по-настоящему счастливой. В отличие от других женщин в крохотном местечке она была замужем за «истинным джентльменом», что, по мнению глупышки, придавало ей «особое положение» и давало право смотреть на соседей свысока.

Александра, подобно матери, боготворила Джорджа Лоренса, и тот во время нечастых и коротких визитов просто купался в море обожания. Фелисия хлопотала над мужем, как курица-наседка, а Алекс отважно пыталась стать ему и сыном, и дочерью, и хотя расстраивалась из-за собственной ничем не примечательной внешности, однако постоянно носила мужские штаны и увлекалась фехтованием, чтобы отец мог упражняться, когда приезжал.

Стоя у окна, мистер Джимбл со злостью оглядывал сверкающую лаком карету, запряженную четверкой резвых породистых лошадок. Для человека, выделявшего жене и дочери мизерное содержание, Джордж Лоренс правил весьма модным и дорогим экипажем, да и кони, по-видимому, стоили недешево.

– Как долго ты останешься на этот раз, папа? – осведомилась Александра, уже сейчас с ужасом думая о той неизбежной минуте, когда отцу снова придется уехать.

– Всего неделю. Мне нужно срочно отправляться к Лендсдаунам, в Кент.

– Но почему ты так много разъезжаешь? – вздохнула девочка, не в силах скрыть разочарование, хотя знала, что отцу тоже тяжело находиться вдали от них с матерью.

– Приходится, – пожал плечами отец и, когда дочь стала протестовать, вынул из кармана небольшую коробочку. – Возьми, Алекс, я привез тебе маленький подарок на день рождения.

Александра с нескрываемым восхищением уставилась на отца, совершенно позабыв ту печальную истину, что ее день рождения был несколько месяцев назад и отец даже не позаботился прислать поздравительное письмо. Сияя аквамариновыми глазами, она открыла коробочку и вынула маленький серебристый медальон-сердечко.

– Я буду носить его каждый день, всю жизнь, папа, – прошептала она, стискивая Джорджа в объятиях. – Я так люблю тебя!

Они проехали через крохотную сонную деревушку, поднимая облака пыли, и Александра гордо махала соседям, стараясь, чтобы все узнали: ее великолепный красавец отец наконец-то вернулся!

Но она могла бы и не трудиться – уже к вечеру все обсуждали не только приезд Джорджа, но даже цвет его пальто и сотни других мелочей, поскольку деревушка Моршем была и оставалась неизменной много сотен лет – маленькой, тихой, затерянной в одной из бесчисленных долин Англии. Жители Моршема, простые, лишенные воображения, трудолюбивые люди, находили безмерное удовольствие в том, чтобы перебирать любое, самое незначительное событие, нарушавшее унылое однообразие их существования. Они все еще не забыли тот день, когда три месяца назад через деревню проехал экипаж с джентльменом, на пальто которого была не одна пелерина, а целых восемь! Теперь следующие полгода предметом их бесед будут Джордж Лоренс и его чудесная карета.

Постороннему человеку Моршем мог показаться скучным местом, населенным любящими посплетничать крестьянами, но для тринадцатилетней Александры и деревушка, и ее обитатели были несравненными. Девочка свято верила в природную доброту чад Божьих и не

сомневалась, что честность, порядочность и жизнерадостность присущи всему человечеству. Сама она была милой, веселой и неисправимой оптимисткой.

Глава 2

Герцог Хоторн медленно опустил руку с дымящимся пистолетом и бесстрастно воззрился на скорченную неподвижную фигуру лорда Грейнджфилда, лежавшего на земле.

«Ревнивые мужья чертовски несносны, – подумал Джордан, – и почти так же надоедливы, как их тщеславные, пустые, распущенные жены. Они не только частенько приходят к совершенно необоснованным поспешным заключениям, но и настаивают на том, чтобы обсуждать свои заблуждения на рассвете с пистолетами в руках».

Он по-прежнему не сводил равнодушного взгляда с немолодого раненого противника, над которым склонились врач и секунданты, мысленно проклиная прекрасную коварную молодую женщину, чье неустанное преследование стало причиной дуэли.

Двадцатисемилетний Джордан давно понял, что развлечения с замужними дамами часто приводят к весьма неприятным осложнениям и вряд ли стоят полученного в постели наслаждения, и лишь поэтому взял себе за правило ограничить многочисленные связи только женщинами, не обремененными мужьями. Богу известно, таких больше чем достаточно, и любая на все готова, только бы оказаться в его постели. Флирт, однако, считался весьма распространенным времяпрепровождением среди членов высшего общества, и его последний роман с Элизабет Грейнджфилд, которую он знал с детства, был немногим больше, чем невинное ухаживание, возникшее, когда Джордан вернулся в Англию из долгого путешествия. Все началось с обмена двусмысленными шуточками, которыми перекинулись друзья, и никогда не зашло бы дальше, если бы Элизабет несколько дней назад не проскользнула мимо зазевавшегося дворцового герцога. Переступив порог спальни, Джордан нашел ее в постели – обнаженную, теплую, зовущую.

В обычном состоянии он бы попросту выставил женщину из комнаты и отослал домой, но в эту ночь под влиянием бренди, выпитого с друзьями, желания тела взяли верх над одурманенным разумом, и Джордан не смог отказать даме.

Направляясь к лошади, привязанной к ближайшему дереву, Джордан поднял глаза на первые робкие солнечные лучи, окрасившие небо в розоватые тона. Ему еще удастся несколько часов поспать, прежде чем начнется новый долгий день, заполненный нелегким трудом и светскими обязанностями, день, который должен увенчаться поздним балом в доме Билдрапов.

Хрустальные люстры, рассыпающие мириады огней, освещали огромную, отделанную зеркалами бальную залу, где танцоры, одетые в шелка, атлас и бархат, кружились под мелодичные звуки вальса. Застекленные двери, ведущие на балконы, были распахнуты, позволяя прохладному ветерку проникать в комнату, а влюбленным парам, желавшим остаться наедине, – исчезнуть без лишнего шума.

Одна из таких пар стояла на балконе, почти в полумраке, очевидно, не заботясь о том, какие безумные предположения, догадки и сплетни вызовет их отсутствие.

– Это просто непристойно! – объявила мисс Летиша Билдрап стайке элегантно одетых молодых женщин и мужчин, составлявших ее личную свиту. Бросив злобно-осуждающий взгляд с немалой толикой зависти на двери, через которые только сейчас прошла парочка, она добавила: – Элизабет Грейнджфилд ведет себя как уличная девка! Бегает за Хоторном, хотя в это время ее собственный муж лежит раненный после сегодняшней дуэли с герцогом!

Сэр Родерик Карстерз уставился на мисс Билдрап с едкой насмешкой, которую хорошо знали и боялись все члены общества.

– Вы, конечно, правы, моя красавица. Элизабет следовало бы поучиться у вас, как преследовать Хоторна тайком, а не на людях.

Летиша ответила наглецу высокомерным молчанием, хотя нежные щечки предательски зарделись.

– Берегитесь, Родди, вы теряете способность отличить шутку от оскорбления.

– Вовсе нет, дорогая. Я прилагаю все усилия, чтобы казаться именно оскорбительным.

– Не сравнивайте меня с Элизабет Грейнджфилд, – разъяренно прошипела Летиша. – У нас нет ничего общего.

– Ошибаетесь. Вы обе жаждете Хоторна, что роднит вас с шестью дюжинами других женщин, которых я могу назвать, особенно... – он кивнул на прекрасную рыжеволосую балерину, танцующую с русским князем, – Элиз Грандо. Хотя, кажется, мисс Грандо сумела опередить всех – перед вами новая любовница герцога.

– Не верю! – вырвалось у Летти, не сводившей глаз с изящной фигурки танцовщицы, покорившей испанского короля и русского князя. – Хоторн совершенно свободен от всяких привязанностей!

– Что мы обсуждаем, Летти? – осведомилась одна из молодых леди, отворачиваясь от осаждавших ее поклонников.

– Тот факт, что он сейчас на балконе с Элизабет Грейнджфилд, – отрезала Летти. Ей не было нужды объяснять, кто такой он. Имя этого человека было и без того известно в свете. Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд, маркиз Лендсдаун, виконт Лидз, виконт Рейнолдз, граф Таунсенд оф Марлоу, барон Таунсенд оф Строли, Ричфилд, и Монмарт, двенадцатый герцог Хоторн.

Он – воплощение идеалов и грез юных леди: высокий, смуглый роковой красавец, обладающий дьявольским очарованием. Среди самых юных девиц существовало единодушное твердое мнение, что его непроницаемые серые глаза способны совратить монахиню или превратить врага в ледяную статую. Леди постарше были склонны верить первому утверждению и отвергали последнее, поскольку было известно, что Джордан Таунсенд расправился с сотнями французов, притом не взглядами, а благодаря непревзойденному умению обращаться с саблей и пистолетом. Но независимо от возраста все дамы общества были полностью согласны в одном – достаточно посмотреть на герцога Хоторна, чтобы понять: этот человек наделен всем – богатством, элегантностью, происхождением и воспитанием. Блестящая внешность и такие же способности. Настоящий бриллиант. И к сожалению, столь же тверд и непреклонен.

– Родди утверждает, что Элиз Грандо стала его любовницей, – пояснила Летти, кивая на ослепительную красотку, казавшуюся равнодушной к внезапному исчезновению герцога Хоторна вместе с леди Элизабет Грейнджфилд.

– Вздор! – воскликнула семнадцатилетняя дебютантка, помешанная на правилах приличия. – Будь это так, он ни за что не привез бы ее сюда! Не посмел бы!

– Посмел бы! – объявила другая молодая леди, не отрывая взгляда от дверей, через которые только что прошла парочка, и, по всей видимости, с нетерпением ожидая снова увидеть легендарного любовника. – Моя мама говорит, Хоторн делает все, как пожелает, и ничуть не считается с мнением остальных.

* * *

В эту минуту предмет этого и десятка других разговоров стоял, прислонившись к каменным перилам балкона, с нескрываемым раздражением глядя в сверкающие слезами голубые глаза Элизабет.

– Ваша репутация окончательно погублена, Элизабет. Будь у вас хоть капля разума, вы удалились бы в загородное поместье вместе с недужным мужем хотя бы на несколько недель, пока не уляжется скандал из-за дуэли и не утихнут сплетни.

Элизабет, судорожно стараясь казаться веселой, пожалала плечами:

– Сплетни меня не трогают, Джордан. Я графиня, а графиня всегда вне подозрений. – В голосе женщины зазвенела горечь; горло словно перехватило тоской. – И не важно, что мой

муж на тридцать лет старше. Зато родители гордятся дочерью, сумевшей присоединить очередной титул к фамильному имени.

– Нет смысла жалеть о прошлом, – возразил Джордан, с трудом сдерживая нетерпение. – Что сделано, то сделано.

– Но почему ты не попросил моей руки, перед тем как отправиться на эту дурацкую войну в Испанию? – задыхаясь, спросила она.

– Потому что, – грубо отрезал Джордан, – не хотел на тебе жениться.

Пять лет назад герцог предполагал когда-нибудь, в отдаленном будущем, посвататься к Элизабет, но и тогда желал обзавестись женой не больше, чем сейчас, и между ними ни о чем не было договорено, до того как он уехал в Испанию. Год спустя отец девушки, действительно готовый на все, чтобы добавить новый титул к генеалогическому древу, настоял на том, чтобы дочь вышла за Грейнджфилда. Получив письмо Элизабет с сообщением о свадьбе, Джордан почти не почувствовал тяжести потери. С другой стороны, он знал Элизабет, когда оба были еще подростками, и питал к ней определенную симпатию. Возможно, будь он рядом, ему удалось бы убедить девушку не слушаться родителей и отказать старому Грейнджфилду... а возможно, и нет. Элизабет, как всем дамам ее круга, с детства твердили, что ее обязанность – выйти замуж, повинаясь желанию отца и матери.

Но в любом случае Джордана в Англии в тот момент не оказалось. Через два года после кончины отца и несмотря на отсутствие законных наследников, Джордан купил офицерский патент и отправился в Испанию сражаться против Наполеона. Сначала его отвага и мужество были результатом неудовлетворенности собственной жизнью, пренебрежения к опасности, но позже, по мере того как он мужал, ратное искусство, приобретенное в кровавых битвах, помогло ему сохранить жизнь и снискать репутацию блестящего стратега и непобедимого противника.

Четыре года спустя он вышел в отставку и вернулся на родину, дабы принять на себя ответственность и обязанности, налагаемые титулом и происхождением. Теперешний Джордан Таунсенд разительно отличался от того молодого человека, давным-давно покинувшего страну. Когда он впервые после возвращения появился на балу, эти перемены были очевидны любому – по контрасту с бледными лицами и скучающе-вялой томностью остальных джентльменов кожа Джордана была почти черной от загара, плечи и руки налились силой, манеры стали резкими и властными, и, хотя знаменитое обаяние Хоторнов все еще проскальзывало в лениво-белозубой улыбке, герцога окружал ореол человека, постоянно бросавшего вызов опасности и наслаждавшегося этим. Именно эту особенность женщины находили непреодолимо и бесконечно волнующей, что лишь прибавляло Джордану привлекательности – список его побед продолжал расти.

– Как вы могли забыть, что мы были предназначены друг для друга? – всхлипнула Элизабет, поднимая голову, и, прежде чем Джордан успел опомниться, встала на цыпочки и поцеловала его, тесно прильнув к нему податливым нежным телом. Но стальные пальцы безжалостно впились в ее плечи. Джордан бесцеремонно отодвинул женщину.

– Не будьте душой! – уничтожающе рявкнул он. – Мы считались друзьями, и только. Все случившееся в ту ночь было ошибкой. И теперь с этим покончено.

Элизабет попыталась придвинуться ближе.

– Я заставлю вас полюбить меня, Джордан, заставлю! Всего несколько лет назад вы почти любили меня! И хотели, когда мы...

– Вернее, возжелал вашего соблазнительного тела, сокровище мое, – намеренно жестко перебил ее Джордан, – только и всего. Большого мне не требовалось. Я вовсе не собирался ради вас прикончить вашего мужа на дуэли, так что забудьте все свои коварные замыслы. Поищите другого глупца, который с помощью пистолета добудет вашу свободу.

Элизабет, поблднев, тщетно смаргивала слезы, но не осмелилась отрицать, что надеялась на гибель мужа от руки герцога.

– Мне ни к чему свобода, Джордан, мне нужен ты, – пробормотала она сквозь рыдания. – Можешь считать меня только другом, но я любила тебя еще с отрочества.

Признание вырвалось у нее с такой безнадежной, униженной простотой, что любой человек, кроме Джордана Таунсенда, понял бы правдивость ее слов, скорее всего был бы тронут... и даже испытал бы некоторую жалость к бедняжке. Но Джордан давным-давно превратился в неисправимого, бесчувственного, ожесточенного скептика во всем, что касалось женщин, и потому ответил на вырвавшиеся из глубины души слова только безразличным пожатием плеч.

– Вытрите глаза, – велел он, протягивая ей белоснежный платок.

* * *

Десятки глаз, исподтишка наблюдавшие за их возвращением в бальную залу, отметили, что леди Грейнджфилд, выглядевшая крайне скованной и бледной, немедленно уехала. Герцог Хоторн, однако, казавшийся совершенно невозмутимым, тотчас подошел к прелестной балерине. И когда несколько мгновений спустя они закружились в вальсе, присутствующие не без зависти отметили, какой неотразимый магнетизм, какая искрящаяся энергия исходили от прекрасной, бесспорно обаятельной пары. Изящная грация гибкого, хрупкого тела Элиз Грандо идеально дополняла небрежную элегантность Джордана; рыжие волосы красиво контрастировали с темными. Они легко двигались в такт музыке и были великолепными, предназначенными самой природой друг для друга созданиями.

– Впрочем, как всегда, – небрежно бросила мисс Билдрап своим приятелям, в зачарованном восхищении любуясь танцующими. – Хоторн каким-то образом дает почувствовать женщине, с которой приехал, что именно она, и никто другой, единственная на свете и создана только для него.

– Да, но не женится же он на какой-то балерине, как бы превосходно они ни выглядели вдвоем, – заметила мисс Моррисон. – Кстати, мой брат пообещал привести его к нам с утренним визитом на следующей неделе, – добавила она торжествующе.

Однако мисс Билдрап сразу же осадила дерзкую:

– Мама сказала, что завтра он отправляется в Роузмид.

– Роузмид? – глухо откликнулась мисс Моррисон. Плечи девушки безнадежно поникли.

– Поместье его бабки, – пояснила мисс Билдрап. – К северу от Лондона, вблизи какой-то Богом забытой деревушки, кажется, Моршем, если не ошибаюсь.

Глава 3

– Просто немыслимо, Филберт, совершенно невероятно! – объявила Александра старому лакею, приковылявшему в ее спальню с охапкой дров.

Филберт близоруко прищурился на семнадцатилетнюю хозяйку, растянувшуюся на животе поперек кровати; кулачки по привычке подпирают подбородок, вылинявшая рубашка распахнута на груди, коричневые мужские штаны тесно облегают ноги.

– Это положительно неприлично, – продолжала Александра исполненным негодования голосом.

– Что именно, мисс Алекс? – осведомился слуга, подходя ближе. На покрывале валялось что-то белое и большое – по предположению полуслеплого лакея, либо полотенце, либо газета. Филберт пристально уставился на непонятный предмет, на котором там и сям виднелись черные пятна, из чего он справедливо заключил, что перед ним газета.

– Здесь говорится, – уведомила Александра, постукивая пальцем по выпуску от 2 апреля 1813 года, – что леди Уизерфорд Хит дала бал на восемьсот приглашенных, с последующим ужином, на котором гостям было подано сорок пять блюд. Сорок пять! Видана ли когда-нибудь подобная расточительность?! Далее автор бесконечно распространяется о присутствующих и их нарядах. Послушай же, Сара! – воскликнула девушка, улыбаясь Саре Уизерс, только что принесшей стопку свежевывглаженного белья.

До смерти отца Александры, случившейся три года назад, Сара занимала должность экономки, но поскольку семья оказалась в более чем стесненных финансовых обстоятельствах, ее вместе с другими слугами пришлось уволить. Остались лишь Филберт и Пенроуз, чересчур старые и дряхлые, чтобы отыскать другое, более подходящее место. Теперь Сара приходила раз в месяц, чтобы с помощью деревенской девчонки заняться стиркой и глажкой.

Притворно жеманным голосом Александра процитировала:

– «Мисс Эмили Уэлфорд сопровождал на бал граф Машем. Ее туалет из шелка цвета слоновой кости украшали жемчуга и бриллианты». – Алекс, еще раз хмыкнув, свернула газету и обратилась к Саре: – Ну можно ли поверить, что людям действительно интересно читать подобный вздор? Кому есть дело до наряда мисс Уэлфорд или до того, что граф Делтон только что вернулся из поездки в Шотландию и «ходят слухи, будто он выказывает несомненный интерес к некоей молодой леди, обладающей красотой и положением в обществе»?

Сара Уизерс, подняв брови, с неодобрением уставилась на облачение Алекс.

– *Некоторые* молодые девушки весьма заботятся о своей внешности, что, впрочем, вполне естественно, – язвительно сообщила она.

Александра философски пожала плечами, приняв этот добродушный укол с обычным веселым безразличием:

– Потребуется намного больше, чем пудра и атлас, чтобы сделать из меня настоящую леди.

Ее давние надежды вылететь из кокона прекрасной бабочкой с золотистыми волосами, к великому сожалению, не оправдались. Коротко стриженные вьющиеся волосы темно-каштанового цвета обрамляли лицо с задорно вздернутым носиком и маленьким упрямым подбородком. Она по-прежнему оставалась стройной и худенькой, и мальчишеская фигура отнюдь не прибавляла ей привлекательности. Единственной, поистине примечательной чертой были огромные аквамариновые глаза, окаймленные густыми черными ресницами. Кожа девушки приобрела легкий золотистый загар от работы и долгих поездок верхом на солнцепеке. Однако собственная внешность больше не волновала Алекс – слишком много гораздо более неотложных дел занимало ее мысли.

Почти сразу же после смерти отца скончался дедушка. И Алекс фактически стала главой семейства. На юные плечи свалился груз забот. Приходилось присматривать за престарелыми слугами, растягивать, насколько можно, скудные деньги, добывать еду и даже справляться с постоянными истерическими припадками маменьки.

Ее ровесница, воспитанная в обычных традициях, возможно, никогда не сумела бы принять вызов судьбы. Но ни внешность, ни способности Александры ни в коем случае нельзя было назвать ординарными. Едва ли не с самого детства она выучилась ловить рыбу и охотиться, чтобы составлять компанию отцу во время его нечастых наездов. Теперь же девушка со спокойной решимостью использовала приобретенные навыки, чтобы кормить семью.

Грохот сваленных в дровяной ящик поленьев мгновенно отвлек Алекс от мыслей об усыпанных бриллиантами бальных нарядах. Вздрагивая от сырости, пропитавшей толстые стены дома, так что даже летом было невозможно согреться, Алекс зябко обхватила себя руками.

– Не стоит зря тратить дрова, Филберт, – поспешно сказала она, когда лакей нагнулся, чтобы добавить полено к крохотному, жалкому огоньку. – Здесь не холодно... просто свежо. Очень полезно для здоровья. Кроме того, я через несколько минут уезжаю на день рождения брата Мэри Эллен, так что нет смысла топить.

Филберт нерешительно кивнул, но тут полено выскользнуло из ослабевших рук и покапало по щербатому деревянному полу. Лакей выпрямился и в отчаянии огляделся, сию секунду увидев, куда оно закатилось. Пожалев полуслеплого старика, девушка мягко подсказала:

– Оно у письменного стола.

Слуга заковылял к столу и присел на корточки, пытаясь ощупью отыскать полено.

– Сара! – неожиданно воскликнула девушка, ощущая, как странное предвкушение чего-то неизведанного, испытываемое ею иногда в последние три года, вновь теснит грудь. – У тебя бывало когда-нибудь такое чувство, будто что-то вот-вот должно случиться?

Сара с шумом задвинула ящики комода.

– Конечно!

– И это предчувствие сбылось?

– Совершенно верно.

Глаза Александры ярко, восторженно блеснули.

– Правда? И что же произошло?

– Дымоход обвалился, в точности как я предупреждала вашего папашу, что так и будет, если его не починить как можно скорее.

Звонкий музыкальный смех серебряными бусинками рассыпался по комнате.

– Нет-нет, это совсем другое, – покачала головой Александра и с некоторым смущением призналась: – У меня появилось это чувство вскоре после смерти дедушки, но всю последнюю неделю оно меня не покидает и становится все сильнее. Кажется, я словно стою на краю обрыва, ожидая, что вот-вот это произойдет.

Застигнутая врасплох мечтательным голосом и непривычным спокойствием девушки, пребывавшей обычно в состоянии лихорадочной деятельности, Сара подозрительно уставилась на нее:

– И что же, по-вашему, должно случиться?

– Нечто чудесное! – объявила Александра, почти задрожав от непонятого восторга, и уже хотела добавить еще что-то, но громкий женский вопль, донесшийся из спальни дядюшки Монти и сопровождаемый стуком захлопнувшейся двери и шлепаньем босых ног, остановил ее на полуслове. Александра села и одним грациозным энергичным движением, гораздо больше соответствующим ее природе, чем дремотная неподвижность, сорвалась с постели – как раз в ту минуту, когда в спальню с разъяренным видом влетела Мэри, молодая крестьянская девушка, помогавшая Саре стирать белье.

– Клянусь, он треснул меня прямо по заднице! – вскричала Мэри, потирая вышеупомянутую часть тела, отличавшуюся немалыми размерами и пышностью, и обвиняющим жестом показала на комнату дядюшки Монти. – Никто не смеет такое вытворять со мной, никто! Я честная, порядочная девушка, да-да, и...

– В таком случае веди себя как порядочная девушка и придержи язык! – резко перебила ее Сара.

Александра вздохнула, вспомнив о многочисленных обязанностях хозяйки дома, мгновенно затмивших все мечты об ужине из сорока пяти блюд.

– Я сейчас же поговорю с дядей Монти, – пообещала она. – Уверена, он больше никогда не станет этого делать. – И, весело улыбаясь, предупредила: – Не станет, конечно, если ты не будешь нагибаться в пределах его досягаемости. Сэр Монтегю... он... как бы это сказать... ценитель женской красоты, и когда у дамы такой округлый... э-э-э... зад... не может устоять перед искушением похлопать по нему, в точности как знаток лошадей при виде чистокровной кобылы.

Эти дипломатические речи польстили и одновременно немного успокоили разгневанную девицу. К тому же, несмотря на столь неподобающее джентльмену поведение, сэр Монтегю тем не менее был возведен в рыцарское достоинство самим королем.

Оставшись одна, Сара медленно обвела взглядом пустую комнату.

– Нечто чудесное! – фыркнула она, с тоской и горечью думая о семнадцатилетней девочке, пытавшейся без жалоб и упреков нести бремя находящегося в упадке хозяйства с помощью совершенно оглохшего престарелого дворецкого, слишком гордого, чтобы признаться в собственной глухоте, и полуслеплого лакея. Выдержать милую семейку было столь же непосильной задачей. Двоюродный дедушка Алекс, сэр Монтегю Марш, которого все звали дядюшкой Монти, хотя и добродушный старик, весьма редко бывал трезвым; впрочем, он напивался ровно настолько, чтобы не обделить вниманием ни одной юбки. Миссис Лоренс, мать Александры, которая должна была взять в свои руки бразды правления после кончины мистера Лоренса, с радостью передоверила все обязанности дочери и стала самым тяжелым испытанием для девочки.

– Дядя Монти, – с легким укором начала Александра, грозя пальцем отцовскому дядюшке, приехавшему к ним жить два года назад, когда все остальные родственники от него отказались.

Дородный джентльмен сидел у камина перед почти угасшим пламенем: подагрическая нога заботливо покоится на стуле, выражение лица ангельски-невинное.

– Пришла отчитывать меня за девчонку? – пробормотал он, оглядывая ее злобными покрасневшими глазками. В это мгновение он был так похож на провинившегося ребенка, что Александра невольно улыбнулась.

– Да, – призналась она, – а заодно выяснить, где ты прячешь бутылку контрабандной мадеры, которую принес вчера твой друг мистер Уотерли.

Дядюшка Монти безуспешно попытался воспылать праведным негодованием:

– И кто, позвольте спросить, утверждает, что подобная бутылка находится в моей комнате?

Однако старик тут же осекся, искоса взглянув, как Александра быстро и привычно обыскивает все давно знакомые тайники – под подушкой дивана, под матрасом и в дымоходе. Заглянув еще в несколько укромных местечек, девушка подошла к стулу и протянула руку.

– Немедленно отдай, дядюшка Монти.

– Что? – непонимающе переспросил он, неловко ерзая – из-под его обширного зада показалось горлышко бутылки.

Девушка, заметив это, весело хмыкнула:

– Бутылку мадеры, на которой ты восседаешь!

– Хочешь сказать – мое лекарство, – поправил ее Монти. – Доктор Битл велел мне пить мадеру в лечебных целях, когда занозит старая рана.

Алекс всмотрелась в налитые кровью глаза и розовые щеки, оценивая степень его опьянения с точностью, приобретенной двумя годами общения с бесшабашным, безрассудным, но милым и добрым стариком. Подступив ближе, она настоятельно повторила:

– Немедленно отдай, дядя. Мама ожидает к ужину сквайра с женой и хочет, чтобы ты тоже спустился. Нужно быть трезвым, как...

– Чтобы вынести эту чванную парочку, следует напиться до полусмерти! Говорю тебе, Алекс, меня от них лихорадит! Благочестие подобает святым, а святые – неподходящая компания для мужчины из плоти и крови.

Но, видя, что девушка не отступает, старик покорно вздохнул, приподнялся и вытащил из-под себя полупустую бутылку.

– Вот и хорошо, – похвалила Александра, дружески похлопав его по плечу. – Если ты еще не уснешь к тому времени, когда я вернусь, мы сможем поиграть в вист и...

– Когда вернешься? – встревоженно охнул сэр Монтегю. – Не хочешь же ты сказать, что исчезнешь и оставишь меня одного с твоей мамашей и ее невыносимыми гостями?

– Я приглашена к Мэри Эллен, – весело пояснила Александра, направляясь к порогу и посылая родственнику воздушный поцелуй. Она захлопнула дверь под аккомпанемент рассерженного бормотания насчет «погибели от скуки» и «тоски смертной».

Девушка как раз проходила мимо материнской спальни, когда Фелисия Лоренс окликнула ее слабым, но повелительным голосом:

– Александра! Александра, это ты?

Кажется, мать опять сердится!

Алекс мысленно собралась и приготовилась к очередной стычке с матерью из-за Уилла Хелмсли. Расправив худенькие плечи, девушка ступила в комнату. Миссис Лоренс сидела перед туалетным столиком, одетая в старый заплатанный пеньюар, и хмурилась, глядя в зеркало. За эти три года прекрасное лицо Фелисии постарело на десять лет. Лукавые искорки, светившиеся в глазах, погасли, волосы цвета красного дерева поблекли, превратились в тускло-каштановые, тронутые сединой. Но Алекс знала: не столько скорбь, сколько гнев и боль – причины разительных перемен. Три недели спустя после того, как Джорджа Лоренса опустили в могилу, перед их домом остановился великолепный экипаж, из которого вышли члены «второй семьи» ее любимого отца – жена и дочь, с которыми тот прожил в Лондоне свыше двенадцати лет. Его законная семья влачила едва ли не нищенское существование в маленькой деревушке, тогда как незаконную он содержал в роскоши. Даже сейчас Алекс корчилась от боли при воспоминании о том ужасном дне, когда ей пришлось неожиданно столкнуться лицом к лицу со сводной сестрой, необыкновенно хорошенькой девочкой по имени Роуз. Но самый жестокий удар был нанесен Алекс, когда она увидела великолепный золотой медальон на белой шейке Роуз, подарок отца. Он подарил точно такой же Алекс, только ее был оловянный.

Все это вместе взятое яснее слов говорило о том, какого мнения придерживался Джордж Лоренс об Алекс и Фелисии.

Впрочем, в одном он обошелся одинаково с обеими семьями – оставил их без гроша.

Алекс пришлось ради матери схоронить глубоко в сердце боль предательства и попытаться вести себя как обычно, но печаль Фелисии обернулась яростью. Миссис Лоренс почти не выходила из своей комнаты, бережно лелея оскорбленные чувства и предоставляя девочке вести дела. Два с половиной года Фелисия не проявляла ни малейшего интереса ни к хозяйству, ни к скорбящей дочери и открывала рот лишь затем, чтобы пожаловаться на несправедливость судьбы и измену мужа.

Однако шесть месяцев назад миссис Лоренс поняла, что положение не настолько безнадежно, как она считала. Она наконец нашла способ избежать уготованной ей печальной уча-

сти, и орудием избавления должна была послужить Александра. Фелисия решила, что дочь просто обязана поймать мужа, который спасет их обеих от нужды и бедности. С этой целью Фелисия обратила самое пристальное внимание на все сколько-нибудь состоятельные семейства в округе. Но только Хелмсли, по мнению вдовы, оказались достойными ее бывшего положения и честолюбивых устремлений, и поэтому их сын Уилл отныне в ее глазах стал самым подходящим женихом для дочери, несмотря на то что он был весьма скучным, не слишком умным, забитым, ничем не примечательным молодым человеком, всецело находившимся под влиянием своих властных родителей, ярых фанатиков-пуритан.

– Я пригласила к ужину сквайра с женой, – сообщила миссис Лоренс, не отводя глаз от зеркала. – И Пенроуз обещал приготовить превосходный обед.

– Пенроуз – дворецкий, мама. Нельзя ожидать от него кулинарных изысков!

– Я прекрасно осведомлена о том, какую должность занимает Пенроуз в нашем доме, Александра. Однако он стряпает лучше тебя и Филберта, так что придется ему потрудиться. Кстати, насчет рыбы, – продолжала она, деликатно вздрагивая, – мне хотелось бы, чтобы ее не так часто подавали, как в последнее время. Никогда особенно не любила рыбу!

Александра, добывавшая для семьи пропитание, покраснела, словно сознавая, что не смогла достойно выполнить долг главы этого странного семейства.

– Прости, мама, но дичь почему-то почти не попадается. Завтра я отправлюсь подальше в лес и посмотрю, не удастся ли добыть что-то получше. Ну а сейчас я уезжаю и вернусь поздно.

– Поздно?! – охнула мать. – Но ты должна, слышишь, *должна* приехать к ужину! Ты ведь знаешь, какое огромное значение придают сквайр с супругой женской скромности и хорошим манерам... хотя меня терзает сама мысль о том, как посмел *этот человек* оставить нас в столь безвыходном положении, что теперь приходится считаться с каким-то сквайром!

Александр даже не стоило спрашивать, кто он, *этот человек*. Ее мать всегда упоминала о Джордже именно в таких выражениях либо небрежно бросала «твой отец», словно винила дочь за то, что та выбрала себе недостойного родителя, а она, миссис Лоренс, была лишь невинной жертвой этого выбора.

– В таком случае ты не обязана считаться со сквайром, – спокойно, но твердо отрезала Александра, – поскольку я не выйду за Уилла Хелмсли, даже если это спасет меня от голодной смерти, что, конечно, нам ни в малейшей степени не грозит.

– Не смей спорить со мной! – разъяренно прошипела мать, охваченная ужасом и отчаянием. – Я требую, чтобы ты вела себя как подобает благородной молодой леди. И никаких больше шатаний по окрестностям! Хелмсли не позволят, чтобы имени их будущей невестки коснулась хотя бы тень скандала!

– Я не желаю иметь ничего общего с Хелмсли! – воскликнула Александра, из последних сил стараясь сохранить хладнокровие. – Ненавижу Уилла Хелмсли, и, к твоему сведению, – закончила она, забыв в запальчивости, что рассудок матери держится на волоске, – Мэри Эллен сказала, что Уилл предпочитает молоденьких мальчиков.

Однако невероятная непристойность этого объявления, которое Алекс вряд ли понимала сама до конца, не дошла до миссис Лоренс.

– Ну да... конечно, большинство молодых людей выбирают общество своих приятелей. Впрочем... – продолжала она, вставая и прохаживаясь по комнате неловкой походкой человека, бывшего долго прикованным к постели, – именно поэтому он не выказывает сильной склонности к женитьбе на тебе, Александра.

Она оглядела старые узкие коричневые штаны, белую распахнутую сорочку с широкими рукавами и коричневые сапоги, носившие следы поспешной чистки. В этом костюме девушка напоминала юношу из обедневшей, но некогда состоятельной семьи.

– Ты должна начать появляться в платьях, хотя молодой Уилл, кажется, не возражает против твоего вида.

Доведенная до предела, Алекс тем не менее терпеливо объяснила:

– Мама, все мои платья мне давно уже выше колена.

– Я велела тебе переделать одно из моих.

– Но я плохо управляюсь с иглой...

Миссис Лоренс остановилась и наградила дочь негодующим взглядом.

– Вижу, ты пытаешься любым способом воспрепятствовать помолвке, но я намереваюсь положить конец этому жалкому существованию, которое мы ведем, и сын сквайра Хелмсли – наша единственная надежда. – Она мрачно нахмурилась, уставившись на упрямую женщину-ребенка, стоявшую в дверях. Бледное лицо исказила гримаса горького сожаления. – Понимаю, Александра, мы никогда не были по-настоящему близки, но только *этот человек* – виновник того, что ты выросла буйным, неуправляемым сорванцом и теперь бродишь по окрестностям с мерзким ружьем, в мужских штанах и вытворяешь все, что в голову взбредет.

Охваченная гневным смущением, Александра сухо ответила:

– Будь я бледным, слабым, беспомощным созданием, каким ты хочешь меня видеть, все обитатели этого дома давно бы умерли с голоду.

У миссис Лоренс хватило совести немного смутиться.

– Да, ты права, но больше так продолжаться не может. Несмотря на все твои усилия, у нас куча долгов! Знаю, все три года я была не слишком хорошей матерью, но наконец пришла в себя и должна принять меры для того, чтобы благополучно выдать тебя замуж.

– Но я не люблю Уилла Хелмсли! – взорвалась Александра.

– Это даже к лучшему, – резко бросила миссис Лоренс. – Он по крайней мере не сможет ранить тебя так сильно, как это сделал твой отец! Уилл – отпрыск почтенной состоятельной семьи. Уж он-то не будет содержать в Лондоне вторую жену и не проиграет все до последнего пенни!

Девушка поморщилась при этом грубом напоминании о вероломстве отца, но мать невозмутимо добавила:

– Собственно говоря, нам очень повезло, что сквайр Хелмсли – человек бесцеремонный и властный, иначе он вряд ли согласился бы видеть тебя своей невесткой.

– Но чем же я так привлекаю его?

Миссис Лоренс не на шутку оскорбилась:

– Ведь мы связаны родством с графом, Александра, а сэру Монтегю дарован титул рыцаря!

После этого откровения мать впала в задумчивое молчание, а девушка пожала плечами и объявила:

– Я еду к Мэри Эллен. Сегодня у ее брата день рождения.

– Возможно, даже лучше, что тебя не будет за ужином, – кивнула миссис Лоренс, рассеянно проводя щеткой по волосам. – Насколько я понимаю, Хелмсли собираются сегодня заговорить о помолвке, и не хватало еще, чтобы ты хмурилась и уничтожающе фыркала!

– Мама, – повторила Александра со смесью тревоги и жалости, – я скорее буду голодать, нежели выйду за Уилла.

Но выражение лица Фелисии ясно говорило о том, что она придерживается иного мнения.

– Доверься взрослым в подобных делах. Поезжай к Мэри Эллен, но надень платье.

– Не могу. Мы решили устроить рыцарский турнир в честь дня рождения Джона О’Тула, как в былые времена. Помнишь, О’Тулы всегда устраивали такие турниры.

– Но тебе не пристало разгуливать в этих ржавых доспехах, Александра. Оставь их в передней, там им место.

– Ничего страшного, – заверила Алекс. – Я возьму только щит, шлем, копье и панцирь.

– О, как хочешь, – с усталым вздохом сдалась мать.

Глава 4

Взгромоздившись на старого Тандера, злобного, норовистого мерина, принадлежавшего еще дедушке и появившегося на свет за несколько лет до ее рождения, Алекс припустила рысью по изрытой глубокими колеями дороге к просторному коттеджу О'Тулов. Она не преминула взять с собой ружье и сейчас внимательно осматривала окрестности в надежде добыть что-нибудь из мелкой дичи. Правда, на это было мало шансов, поскольку длинное копьё то и дело громко звякало о панцирь и ударялось о меч.

Несмотря на неприятный разговор с матерью, прекрасный весенний день и неотвязное чувство взволнованного ожидания, которое Александра пыталась описать Саре, немного улучшили настроение девушки.

В долине и рощах распускались яркие цветы, наполняя воздух чудесным благоуханием. На окраине деревни была небольшая гостиница, и Александра, зная каждого обитателя в пределах восьми миль, подняла шлем и весело махнула хозяину, мистеру Тилсону.

– Добрый день, мистер Тилсон.

– Здравствуйте, мисс Алекс, – отозвался тот.

Мэри Эллен О'Тул вместе с шестью братьями уже были увлечены игрой в древних рыцарей.

– Скорее, Александра, – позвал четырнадцатилетний Том, восседавший на старой лошади отца. – Пора начинать турнир.

– Нет, сперва дуэль, – заспорил его брат-погодок, размахивая старой саблей. – На этот раз я выйду победителем, Алекс! День и ночь упражнялся!

Александра, смеясь, неуклюже спешила и прежде всего обняла Мэри Эллен, а уж потом подружки с увлечением погрузились в своеобразный спектакль, разыгрываемый каждый раз в день рождения одного из отпрысков О'Тулов. День и вечер пролетели незаметно, в веселых играх, дружеских поединках и заразительном хохоте большого семейства, членом которого Александра, единственный ребенок у родителей, подчас так мечтала стать.

К тому времени когда пришла пора отправляться домой, девушка была счастлива до изнеможения и едва дышала после невероятно плотного обеда, съеденного по настоянию добрейшей миссис О'Тул.

Убаюканная мерным цокотом копыт старого Тандера, Александра тихо покачивалась в такт движениям лошади. Отяжелевшие веки сами собой опускались от усталости. Кроме того, девушка не сумела как следует приторочить доспехи к седлу и была вынуждена надеть их, отчего становилось еще жарче и клонило ко сну.

Она миновала гостиницу и свернула на широкую тропу, ведущую через рощу и снова выходящую на большую дорогу в миле отсюда, но при этом заметила, что во дворе привязаны несколько лошадей и по-прежнему зажжены фонари. Через открытое окно доносились мужские голоса, поющие непристойную песенку. Нависшие ветви дубов, покачивающиеся на весеннем ветерке, отбрасывали причудливые тени, заслоняя луну.

Александра понимала, что уже поздно, но не понукала лошадь. Во-первых, Тандеру больше двадцати лет, и, во-вторых, девушка к тому же хотела убедиться, что сквайр и миссис Хелмсли успели удалиться ко времени ее возвращения.

Забрало со стуком опустилось, и Александра раздраженно вздохнула, мечтая поскорее избавиться от тяжелого шлема. Решив, что после столь нудного дня у Тандера вряд ли хватит энергии попытаться сбежать, она остановила лошадь, отпустила поводья и, переложив щит в левую руку, уже хотела было снять шлем и подвесить его на сгиб правой, когда легкий шорох где-то в четверти мили отсюда, близ дороги, привлек ее внимание.

Девушка свела брови, гадая, уж не дикий ли это кабан или другие, менее опасные, но все же съедобные представители животного мира, и вынула из чехла ружье настолько тихо, насколько позволяли неудобные доспехи.

Неожиданно тишина ночи была разорвана оглушительным выстрелом, за которым последовал еще один. Прежде чем Александра успела опомниться, старый мерин понес спотыкающимся галопом прямо в том направлении, откуда раздавались выстрелы. Девушка что было сил сжала коленями бока коня.

* * *

Бандит невольно повернул голову при звуках резкого клацанья металла, доносившихся из леса, и Джордан Таунсенд отвел взгляд от смертоносного отверстия на конце пистолета, направленного ему прямо в грудь вторым разбойником. Зрелище, представшее его глазам, заставило Джордана усомниться в собственном рассудке. На помощь пленнику спешил благородный рыцарь в шлеме с опущенным забралом, щитом в одной руке и ружьем в другой.

Александра едва сумела подавить вопль, когда очутилась на залитой лунным светом поляне, прямо посреди сцены, словно служившей воплощением худших из ночных кошмаров. Раненый кучер лежал на дороге подле экипажа, а два разбойника с красными платками, скрывавшими лица, целились в высокого незнакомца. Второй бандит обернулся к Александре и мгновенно наставил на нее пистолет.

Времени на размышления не осталось – приходилось действовать. Стиснув ружье и бессознательно рассчитывая на прикрытие шлема и панциря от пули, Александра наклонилась вправо, намереваясь сбить конем бандита, но в этот миг прогремел выстрел.

Охваченный ужасом, Тандер споткнулся и, прыгнув, сбросил Александру. Та, беспомощно взмахнув руками, приземлилась грудой ржавого металла прямо на голову второго негодяя. При столкновении шлем чуть не свалился, ружье отлетело к обочине, а сама девушка едва не потеряла сознание.

К несчастью, бандит опомнился раньше, чем голова у Александры перестала кружиться.

– Какого черта! – прорычал он, мощным толчком сбрасывая с себя обмякшее тело и награждая его свирепым пинком, прежде чем ринуться на помощь сообщнику, который в эту минуту катался по земле в смертельной схватке с высоким незнакомцем за право обладания пистолетом.

Сквозь пелену боли, застилавшую глаза, Александра в панике увидела, как уже оба бандита набросились на жертву. Девушка с усилием, рожденным смертельным ужасом, то и дело замирая, громко звякая забралом, поползла к упавшему ружью. В тот миг, когда пальцы коснулись ствола, она заметила, что мужчина сумел все-таки вырвать оружие у тощего разбойника и выстрелить в него, а потом, низко пригнувшись, развернуться и прицелиться во второго грабителя.

Завороженная хищной грацией молниеносных движений незнакомца, Александра замерла, наблюдая, как он хладнокровно нажимает на спусковой крючок. Все еще распростертая на земле, девушка судорожно зажмурилась в ожидании неизбежного грохота. Однако в тишине раздалось лишь громкое щелканье – оружие оказалось незаряженным.

– Бедный глупый ублюдок! – пренебрежительно сплюнул бандит и со злобным смехом вытащил из-за пазухи еще один пистолет. – Думаешь, я так и позволил бы тебе завладеть этим пистолетом, не знай я точно, что там нет пули? Ну ничего, ты сдохнешь медленно, корчась, как червяк, за то, что убил моего брата! Человек, раненный в живот, мучится долго, уж будь уверен!

Вне себя от испуга, Александра перекадилась на бок, прицелилась и, как только бандит поднял пистолет, выстрелила. Сильная отдача отбросила ее на спину, горло на мгновение сда-

вило так, что воздух не проникал в легкие. Когда она наконец пришла в себя и открыла глаза, грабитель уже лежал на земле. Неяркий лунный свет падал на разнесенную выстрелом голову.

Боже! Она не просто ранила, она прикончила человека! Убила!

Тоскливый стон вырвался из груди девушки, и тут мир стал вращаться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Словно сквозь сон, она видела, как высокий незнакомец, отбросив пинком труп бандита, направляется к ней широкими шагами. Почему у него такой зловещий вид?

Но тут звезды завертелись в бесконечном хороводе, унося ее с собой в бездонную черную пропасть...

И Александра впервые в жизни потеряла сознание.

Джордан опустился на корточки около поверженного рыцаря, торопясь сорвать с него шлем и проверить, не ранен ли обладатель старинных доспехов.

– Быстрее, Гримм, – окликнул он кучера, который немного оправился от нанесенного бандитом удара и теперь, шатаясь, поднимался на ноги. – Помоги же снять эти чертовы доспехи!

– Он ранен, ваша светлость? – осведомился Гримм, поспешив к хозяину и вставая на колени.

– Очевидно, да, – резко бросил Джордан, морщась при виде глубокого пореза на левой щеке рыцаря.

– Но его не подстрелили?

– Кажется, нет. Держи его голову... осторожно, дьявол тебя заберет... пока я стяну это чудовищное облачение!

Отшвырнув шлем, Джордан стащил панцирь.

– Боже, что за странная прихоть, – пробормотал он встревоженно, осматривая бесчувственное тело в поисках крови или раны. – Слишком темно, чтобы понять, задела ли его пуля. Поворачивай карету, и отвезем юнца в гостиницу, которую мы проезжали по пути сюда. Владелец обязательно должен знать, кто его родители и где найти доктора.

Нагнувшись, герцог играючи подхватил под мышки неожиданного спасителя, потрясенный тем, каким легким оказался парнишка без своего тяжелого снаряжения.

– Да это всего-навсего мальчик, не старше тринадцати-четырнадцати лет, – покачал головой Джордан, сгорая от угрызений совести. По его вине пострадал отважный юноша, который не задумываясь бросился ему на помощь. Нахмурился, Джордан понес ребенка к экипажу.

* * *

Прибытие герцога Хоторна в гостиницу с бесчувственной Александрой в объятиях вызвало град непристойных реплик и бесстыдных предположений среди собравшихся в общей зале гуляк, которые, несмотря на поздний час, все еще не разошлись, хотя и были вдрызг пьяны. Но Джордан с искренним равнодушием истинного аристократа к пересудам простых смертных, не обращая внимания на громкие голоса, направился к служанке:

– Проводите меня в лучшую комнату и немедленно пошлите за хозяином.

Служанка перевела взгляд с курчавой головки Александры на высокого, безупречно одетого джентльмена и поспешила выполнить приказ.

Джордан осторожно положил мальчика на постель и распахнул ворот сорочки. Бедняга застонал; веки чуть затрепетали, и герцог уставился в огромные глаза необычного цвета расплавленных аквамарин, обрамленные невероятно длинными мохнатыми ресницами, глаза, еще затянутые пеленой длительного обморока и глядевшие на него с неподдельным недоумением. Ободрающе улыбаясь, Джордан мягко приветствовал:

– Добро пожаловать в этот мир, Галахад¹.

– Где... – прохрипела Александра, облизывая пересохшие губы. Она откашлялась и попробовала снова, но из горла вырвался лишь едва слышный шепот: – Где я?

– В гостинице, недалеко от того места, где произошло ограбление.

Ужасные воспоминания вновь нахлынули на девушку, и Александра ощутила, как горячие слезы жгут глаза.

– Этот человек мертв... погиб от моей руки, – задохнулась она.

– Но этим вы спасли двоих – меня и моего кучера.

На измученную душу Александры, все еще не сумевшей опомниться, эти слова пролились бальзамом. Не в состоянии сосредоточиться, она словно со стороны смотрела, как мужчина проводит ладонями по ее ногам сверху вниз. Ничьи руки, кроме материнских, до сих пор не касались девушки, да и то много лет назад. Александра нашла новые ощущения довольно приятными, хотя и странно тревожащими, но, когда сильные пальцы стали осторожно ощупывать ее ребра, она, охнув, схватилась за широкие запястья и негодуя прохрипела:

– Сэр! Что вы делаете?

Джордан искоса глянул на тонкие руки, вцепившиеся в него с силой, по-видимому рожденной страхом.

– Пытаюсь определить, нет ли переломов, юноша. Я послал за доктором и хозяином. Хотя... поскольку ты пришел в себя, можешь сам сказать, кто твои родители и где найти ближайшего врача.

Негодующая Александра, боявшаяся даже подумать о том, какие деньги может потребовать доктор за визит, немедленно вскочила:

– Да вы имеете представление о том, сколько берут теперешние костоправы?!

Джордан изумленно уставился на бледного мальчика с поразительно прекрасными глазами и почувствовал, как в душе шевельнулось сочувствие, смешанное с глубоким восхищением, – странное сочетание эмоций, доселе совершенно ему неведомое.

– Но все произошло из-за меня, и я, естественно, готов оплатить все расходы.

Тут он улыбнулся, и остатки тумана мгновенно выветрились из головы Александры. Перед ней был настоящий великан, красавец, подобного которому она, конечно, никогда не встречала. Серебристо-серые, сверкающие сталью глаза, очень широкие плечи, глубокий, бархатный баритон. На загорелом лице блестели белые зубы, и хотя в каждом движении проскальзывала неукротимая мужская сила, прикосновения были осторожными и нежными, а лучики морщинок в уголках глаз свидетельствовали о чувстве юмора. В сравнении с этим гигантом Алекс казалась себе маленькой и хрупкой... и почему-то ощущение надежности и безопасности окутывало ее пушистым, теплым покрывалом. За последние три года такое с ней было впервые.

Разжав руки, она осторожно дотронулась пальцем до царапины у него на подбородке.

– Вам, кажется, тоже досталось, – пробормотала девушка, застенчиво улыбаясь.

У Джордана перехватило дыхание от этой неожиданно ослепительной улыбки. Непонятный, возбуждающий озноб прошел по телу при одном прикосновении пальцев мальчика. *Мальчика!*

Джордан поскорее отодвинулся и кивнул, мрачно гадая, уж не превратила ли его тоска повседневной обыденной жизни, лишенной пряного привкуса опасности, в некоего извращенного распутника.

– Вы еще не сказали, как вас зовут, – с намеренной прохладцей напомнил он, снова принимаясь ощупывать ее ребра, вглядываясь в нежное личико и боясь увидеть на нем гримасу боли.

¹ Один из рыцарей Круглого стола. – Здесь и далее примеч. пер.

Александра уже открыла было рот, чтобы назвать себя, но вместо этого возмущенно взвизгнула: ладонь незнакомца скользнула по упругим холмикам.

Джордан, словно обжегшись, отскочил:

– Да вы девушка!

– Ничего не могу поделать, – парировала она, уязвленная резким, обвиняющим тоном.

Абсурдность внезапно возникшей перепалки дошла до обоих одновременно – мрачный вид Джордана уступил место широкой улыбке, а девушка звонко расхохоталась. Именно в этот момент и нашла их миссис Тилсон – хохочущими, на постели, и в довершение всего рука мужчины нависла над распахнутой едва ли не до талии рубашкой мисс Александры.

– Александра Лоренс! – взорвалась она, врываясь в комнату, словно боевой корабль, и гневно сверкая глазами, из которых, казалось, так и сыпались искры. – Что все это значит?!

Девушка, к счастью, не подозревая о всем неприличии прискорбной сцены, представшей взгляду миссис Тилсон, недоуменно бормотала что-то, но Джордан все понял и стиснул зубы от омерзения. Неужели эта злобная ведьма посчитает порочным ни в чем не повинное дитя?! Его лицо снова превратилось в жесткую маску, а в сдержанно-властном голосе прорезались ледяные нотки:

– Мисс Лоренс пострадала при нападении бандитов на дороге, недалеко от вашей гостиницы. Немедленно пошлите за доктором.

– Нет, не нужно, миссис Тилсон, – пробормотала Александра и, преодолевая головокружение, с трудом села. – Я уже совершенно оправилась и хочу поскорее очутиться дома.

– В таком случае, – резко заявил Джордан растерянной женщине, – я сам отвезу ее, а вы направьте врача к повороту дороги, милях в пяти отсюда. Там он отыщет двух негодяев, которым уже ничем нельзя помочь. Зато он может распорядиться о похоронах.

Сунув руку в карман, Джордан извлек маленькую визитную карточку с выгравированным именем и гербом.

– Я возвращусь сюда, чтобы ответить на все его вопросы, после того как верну мисс Лоренс в лоно семьи.

Миссис Тилсон бросила что-то уничтожающее относительно бандитов и некоторых развратных особ, выхватила карточку из руки герцога и, окинув последний раз злобным взглядом расстегнутую рубашку Алекс, выплыла из комнаты.

– Вы, кажется, удивились, обнаружив, что я девушка? – нерешительно пролепетала Александра.

– Говоря откровенно, это вообще ночь сюрпризов, – признался Джордан, выбрасывая из головы миссис Тилсон. – Надеюсь, я не покажусь слишком назойливым, если спрошу, что вы делали на дороге в этих доспехах?

Александра медленно свесила ноги с кровати и попыталась встать, но комната покачалась перед глазами.

– Я могу идти, – запротестовала она, когда незнакомец снова поднял ее на руки.

– Но я предпочитаю нести вас, – твердо ответил Джордан.

Александра невольно улыбнулась, видя, с каким безмятежно-безразличным видом проществовал он через общую залу, не обращая внимания на крестьян, глазеющих на растрепанную, грязную девушку, одетую в мужские брюки и сорочку, да к тому же лежавшую на руках у незнакомца джентльмена. Однако когда Джордан усадил Александру на мягкие сиденья роскошной кареты, ее веселое настроение исчезло. Вскоре они вновь окажутся на месте ужасной сцены убийства!

– Я лишила жизни человека, – сдавленно прошептала она, когда экипаж приблизился к роковому повороту, – и никогда себе этого не прощу.

– А я никогда не простил бы, поступи вы иначе, – шутливо возразил Джордан. При свете зажженных фонарей кареты он увидел, как огромные зеленовато-голубые, полные слез глаза

умоляюще смотрят на него, словно прося защиты и утешения. Джордан мгновенно отозвался на призыв и не задумываясь приподнял девушку и посадил себе на колени, как обиженного, испуганного ребенка.

– Вы совершили мужественный поступок, – пробормотал он, зарывшись лицом в мягкие темные локоны.

Александра прерывисто вздохнула и покачала головой, бессознательно потершись щекой о его грудь.

– Я вовсе не такая храбрая, просто очень испугалась, чтобы бежать, как всякий разумный человек.

Джордана, державшего в объятиях доверчивое дитя, неожиданно потрясла мысль о том, что когда-нибудь он вот так же будет прижимать к себе собственного ребенка. Было что-то бесконечно трогательное в этой девочке, прижавшейся к нему так безыскусно. Но, вспомнив, что милые маленькие девочки неизменно превращаются в капризных молодых дам, он постарался побыстрее отделаться от неуместных мыслей.

– Так почему на вас были эти ржавые доспехи? – снова поинтересовался он.

Александра рассказала о турнирах, ставших уже ритуалом в семье О’Тул, и Джордан не сдержал смеха при описании особенно забавных проделок.

– Разве нигде больше не бывает подобных состязаний? Только у нас в Моршеме? Я всегда считала, что люди повсюду одинаковы, хотя точно не знала, конечно! Я ни разу никуда не уезжала из Моршема...

Джордан на мгновение потерял дар речи. В его кругу любой был волен отправиться куда угодно. Неужели это умное, одаренное дитя не видело ни одного города, кроме этой забытой Богом крохотной деревушки?

Лицо девушки чуть светилось в полумраке, и Джордан заметил, что она наблюдает за ним скорее с дружелюбным интересом, чем с обычным почтительным ужасом, к которому он так привык. Неожиданно герцог позавидовал ничем не стесненным крестьянским ребятишкам, забавлявшимся турнирами. Как, должно быть, отличается их детство от детства маленьких аристократов, выросших среди гувернанток и наставников, в строгих рамках и правилах этикета! Им постоянно напоминали о необходимости вести себя как подобает высшим созданиям, которым выпало счастье родиться в богатых и знатных семьях. Но возможно, дети, появившиеся на свет в таких отдаленных местах, от природы гораздо лучше – бесхитростные, искренние и мужественные, совсем как Александра. Что, если эти маленькие крестьяне по-своему счастливы?

Крестьяне?

До Джордана только сейчас дошло, что в правильной литературной речи этой девочки, ее безупречном произношении нет ничего от грубой крестьянки.

– Почему кучер обращается к вам «ваша светлость»? – поинтересовалась она, улыбаясь и лучась ямочками на щечках.

Джордан с трудом отвел глаза от соблазнительного зрелища.

– Именно так обычно обращаются к герцогам.

– Герцогам? – эхом откликнулась потрясенная Александра. Так, значит, этот красивый незнакомец, очевидно, вращается в другом, недостижимом мире и вскоре исчезнет из ее жизни навсегда? – Вы в самом деле герцог?

– Увы, – кивнул Джордан, заметив ее помрачневшее личико. – Вы разочарованы?

– Немного, – окончательно добила его девушка. – А как вас называют в жизни? Кроме «ваша светлость», конечно.

– У меня по крайней мере дюжина имен, – ответил он, удивленный и несколько смущенный ее прямыми вопросами. – Большинство людей зовут меня Хоторном или Хоком. Близкие друзья называют Джордан.

– Прозвище Хок² вам идет, – заметила Александра, но с присущей ей сообразительностью уже пришла к выводам: – Как считаете, эти двое напали на вас потому, что вы герцог? Я хочу сказать, они ужасно рисковали, останавливая вас так близко от гостиницы.

– Жадность иногда бывает самой сильной движущей силой риска, – покачал головой Джордан.

Александра согласно кивнула и тихо процитировала:

– «На свете не существует пожара более сильного, чем страсть, акулы более свирепой, чем ненависть, и урагана более опустошительного, чем жадность».

– Что вы сказали? – ошеломленно пробормотал Джордан.

– Это не я. Будда, – пояснила девушка.

– Я знаком с этим изречением, – откликнулся Джордан, с усилием взяв себя в руки. – Просто удивлен, что вы его знаете.

Заметив слабый свет, лившийся на дорогу из окон дома, стоявшего впереди, он предположил, что они наконец добрались до места.

– Александра, – поспешно и строго предупредил ее герцог, – вы никогда не должны испытывать чувство вины из-за того, что случилось сегодня. Поверьте, вы вели себя как настоящая героиня.

Она взглянула на Джордана с мягкой улыбкой, но, когда колеса экипажа загремели по изрытой выбоинами подъездной аллее большого обветшалого дома, внезапно воскликнула:

– О нет!

Сердце девушки упало при виде блестящего экипажа сквайра, запряженного породистой кобылкой. Она надеялась, что почтенное семейство уже распрощалось с матерью.

Кучер распахнул дверцу. Герцог соскочил на землю, но, когда Александра попыталась последовать за ним, Джордан подхватил ее на руки.

– Я могу идти, – запротестовала она, но, перехватив ленивую усмешку, затаила дыхание.

– Поверьте, любому мужчине моего роста и сложения было бы чрезвычайно стыдно сознавать, что его жизнь спасла такая малышка, пусть даже и в доспехах. Позвольте мне ради моего раненого самолюбия проявить возможно больше галантности.

– Хорошо, – покорно вздохнула Александра. – Кто я такая, чтобы окончательно раздавить самолюбие благородного герцога?

Но Джордан уже почти не слышал ее, разглядывая неухоженные газоны, окружающие дом, сломанные, полуоторванные ставни, висящие на одной петле, и прочие признаки жилища, крайне нуждающегося в ремонте. Такого он не ожидал – его глазам предстало старое, заброшенное, разваливающееся здание, обитатели которого, очевидно, не имели средств содержать его в порядке. Высвободив правую руку, он постучал в дверь, отмечая облупившуюся краску.

Видя, что никто не отвечает, Алекс робко пояснила:

– Боюсь, вам придется постучать громче. Видите ли, Пенроуз почти глух, но непомерная гордыня не позволяет ему в этом признаться.

– Пенроуз? – удивился Джордан. – Кто это?

– Наш дворецкий. После смерти папы пришлось уволить всех слуг, но Пенроуз и Филберт слишком старые и дряхлые, поэтому они остались здесь и согласились работать за еду и крышу над головой. Пенроуз, кроме того, готовит и помогает с уборкой.

– Как странно, – вырвалось у Джордана.

В глазах, устремленных на него, светилось веселое любопытство.

– Что вы находите странным?

– Глухого дворецкого.

– В таком случае вы, конечно, посчитаете Филберта еще большей странностью.

² Ястреб, сокол (англ.).

– Сомневаюсь, – сухо ответил Джордан. – Кто это Филберт?

– Наш лакей.

– Осмелюсь спросить: в чем заключаются его хвори и немощи?

– Он близорук, – без обиняков объявила девушка, – настолько, что на прошлой неделе принял стену за дверь и уперся в нее лбом.

К своему ужасу, Джордан почувствовал, что сейчас расхохочется, и, пытаясь пощадить гордость Алекса, как можно серьезнее пробормотал:

– Глухой дворецкий и слепой лакей... Как... гм... необычно.

– Да, очень, не так ли? – согласилась она восторженно. – Но знаете ли, я не люблю ничего традиционного. – И с задорной улыбкой процитировала: – «Традиционность – убежище косного разума».

Джордан что было сил замолотил кулаками в дверь, слыша, как эхо разносится по всему дому. Но его недоуменный взгляд был прикован к очаровательному личику.

– Кто это сказал? – наконец спросил он.

– Я, – нимало не смутясь, призналась Александра. – Сама придумала!

– Ну и нахальная же вы девчонка! – вздохнул он с усмешкой и внезапно нагнулся, запечатлев у нее на лбу отеческий поцелуй.

Но в этот момент дверь широко распахнулась и на пороге возник седовласый Пенроуз, с негодованием обозревая позднего гостя.

– Совершенно ни к чему барабанишь в дверь, словно вы пытаетесь пробудить мертвых, сэръ, – пробурчал он. – Здесь глухих нет!

Онемев от столь неожиданного выговора, исходящего к тому же из уст простого дворецкого в выцветшей, потертой ливрее, Джордан уже открыл рот, чтобы отчитать зарвавшегося слугу, но тут старик увидел, что незнакомец держит Александру, на щеке которой расплылся огромный синяк.

– Что вы сделали с мисс Александрой? – разъяренно зашипел дворецкий и протянул трясущиеся руки с очевидным намерением спасти девушку.

– Проводите меня к миссис Лоренс, – коротко приказал Джордан, игнорируя жест Пенроуза. – Я сказал, – повторил он громче, поскольку тот, очевидно, не понял, – немедленно проводите нас к миссис Лоренс.

– Я и в первый раз расслышал, – процедил слуга, поворачиваясь спиной к Джордану. – Нужно же так орать, – пробормотал он себе под нос, удаляясь.

Немая сцена в гостиной превзошла худшие ожидания Александры. Мать с испуганным воплем вскочила, толстый сквайр и его еще более дородная жена подались вперед и с жадным любопытством уставились на девушку, чья рубашка была по-прежнему распахнута так, что почти открывала грудь.

– Что случилось? – выкрикнула миссис Лоренс. – Александра... твоё лицо... Господи, да что же это?!

– Ваша дочь спасла мне жизнь, миссис Лоренс, но, к сожалению, при этом пострадала сама. Заверяю, все это выглядит гораздо серьезнее, чем на первый взгляд.

– Пожалуйста, отпустите меня, – настойчиво прошептала Александра, видя, что мать вот-вот упадет в обморок. Джордан поспешно поставил ее на ноги, и девушка запоздало вспомнила о том, что нужно представить собравшимся нового гостя. – Мама, – начала она спокойным, бодрым голосом, – это герцог Хоторн. – Мать громко охнула, но Александра продолжала все таким же вежливым деловым тоном: – Я случайно оказалась в том месте, где на его экипаж напали грабители... и застрелила одного... Ваша милость, это моя мать, миссис Лоренс.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Фелисия, словно громом пораженная, не могла собраться с мыслями, сквайр с супругой глазели на девушку с открытыми ртами.

Пытаясь сгладить возникшую неловкость, Алекс с лучезарной улыбкой повернулась к дядюшке Монти, который, спотыкаясь, ввалился в комнату; неровная походка и блеск глазок были, несомненно, результатом слишком близкого знакомства с очередной бутылкой запрещенной мадеры.

– Дядюшка Монти, – с отчаянием произнесла она, – я привела гостя. Это герцог Хоторн.

Рыцарь тяжело оперся на палку с набалдашником из слоновой кости и дважды моргнул, пытаясь удержать взгляд на лице вновь прибывшего.

– Господи Боже! – воскликнул он потрясенно. – Да это вправду Хоторн, клянусь Юпитером! – И тут же, вспомнив о хороших манерах, отвесил неуклюжий поклон и заискивающе произнес: – Сэр Монтегю Марш к вашим услугам, ваша светлость!

Александра, смущенная лишь продолжительным тягостным молчанием, но отнюдь не убогим домом, древними слугами и весьма своеобразным поведением родственников, весело улыбнулась Джордану, показав кивком на Филберта, как раз появившегося в комнате с чайным подносом. Не принимая во внимание того факта, что она, возможно, совершает крайне грубое нарушение этикета, представляя аристократа лакею, девушка объявила:

– А это Филберт, который делит с Пенроузом все обязанности по дому. Филберт, это герцог Хоторн.

Слуга осторожно поставил поднос на столик и, обернувшись, близоруко прищурился.

– Как поживаете? – вежливо осведомился он у дядюшки Монти, и Александра заметила, что губы герцога дрогнули.

– Пожалуйста, оставайтесь, выпейте с нами чаю, – попросила она, глядя в подозрительно поблескивающие серые глаза.

Герцог улыбнулся, но без тени сожаления покачал головой.

– Не могу, малышка. Мне предстоит долгая поездка, а до того как я снова отправлюсь в путь, придется вернуться в гостиницу и встретиться с властями. Они обязательно потребуют хоть как-то объяснить сегодняшнее происшествие.

Коротко кивнув собравшимся, Джордан посмотрел в поднятое к нему умоляющее личико.

– Не хотите проводить меня? – предложил он.

Александра просияла и повела Джордана к входной двери, не слушая возбужденного гула голосов в гостиной, где жена сквайра пронзительно верещала:

– Что это значит – «вернуться в гостиницу»? Но, миссис Лоренс, не хочет же он сказать, что Александра была там с...

Герцог остановился в передней и посмотрел на Алекс с такой теплотой, что ее опалило внезапным жаром. А когда он осторожно дотронулся до синяка, сердце девушки отчаянно заколотилось.

– Куда... куда вы направляетесь? – спросила она, пытаясь хоть немного оттянуть неизбежное прощание.

– В Роузмид.

– Что это?

– Маленькое загородное поместье моей бабки. Она предпочитает жить там, поскольку считает свой дом самым уютным в мире.

– Вот как, – пробормотала Александра, не в силах ни говорить, ни дышать свободно – пальцы Джордана нежно скользили по щеке, и он смотрел на нее взглядом, в котором, как ни странно, светилось нечто вроде почтения.

– Я никогда не забуду тебя, крошка, – тихо, чуть горланно пообещал он и, наклонившись, прижался к ее лбу теплыми губами. – Не позволяй никому изменить себя. Оставайся такой, как сейчас, и никого не слушай.

После его ухода Алекс несколько мгновений стояла совершенно неподвижно, приходя в себя от поцелуя, казалось, горевшего на лбу, словно клеймо.

Ей и в голову не пришло, что она попала под обаяние этого человека, который привычно, не задумываясь, пользовался голосом и улыбкой, чтобы чаровать и притягивать женщин. Девочка впервые в жизни столкнулась с тем, кого называют опытным соблазнителем. Наивность и простота не верят в обман.

* * *

Однако миссис Лоренс с первого взгляда определяла грязных распутников и настоящих сердцеедов – что ни говори, она сама пала жертвой одного из них, будучи чуть постарше Александры. Как и герцог Хоторн, мистер Лоренс был ослепительно красив, обладал безупречными манерами, элегантно одевался, но при этом великолепии природа обделила его даже зачатками совести.

Именно поэтому она утром ворвалась к спящей дочери и дрожащим от гнева голосом приказала:

– Александра, немедленно просыпайся!

Девушка, не открывая глаз, умудрилась сесть и откинуть с лица кудрявые волосы.

– Что-то случилось?

– Сейчас объясню, – угрожающе произнесла Фелисия, и Александру потрясла злобная ярость, исходящая от матери. – Сегодня у меня побывало целых четверо визитеров, начиная с жены владельца гостиницы, уведолившей меня, что ты делила спальню с этим низким, подлым совратителем невинных девочек! Следующие двое – первые сплетники в деревне, сгоравшие от желания поскорее услышать новости. Ну а четвертый – сквайр, который объявил мне, что из-за твоего скандального поведения прошлой ночью, непристойного вида и полного отсутствия скромности и здравого смысла он считает тебя совершенно неподходящей женой не только для своего сына, но и для любого уважающего себя мужчины.

Перехватив взгляд дочери, в котором сквозило неприкрытое облегчение, миссис Лоренс окончательно вышла из себя и, схватив Александру за плечи, стала трясти.

– Да имеешь ли ты представление о том, что наделала?! – взвизгнула она. – Имеешь?! Тогда скажу – ты навеки себя опозорила! Слухи расходятся молниеносно, и теперь все считают тебя потаскухой! Люди видели, как тебя полураздетую вносили в гостиницу и ты оставалась в спальне наедине с мужчиной! Полчаса спустя тебя внес в гостиную тот же мужчина. Знаешь, что думают все?

– Что я устала и нуждалась в отдыхе? – рассудительно предположила Александра, более встревоженная бледностью матери, чем ее словами.

– Дура! Ты еще большая дура, чем я предполагала! Ни один порядочный человек не захочет жениться на тебе!

– Мама, – невозмутимо начала Александра, пытаясь поменяться с ней ролями, как это часто приходилось делать за последние три года, – пожалуйста, успокойся.

– Не смейте разговаривать со мной таким снисходительным тоном, мисс! – в бешенстве перебила Фелисия. – Этот человек *касался* тебя?!

Встревоженная Александра, никогда не видевшая мать в такой истерике, тем не менее пожала плечами:

– Ты же знаешь, что да. Сама видела, как он нес меня, и...

– Не так! – завопила миссис Лоренс, положительно сотрясаясь от ярости. – Он ласкал тебя? Целовал? Немедленно отвечай!

В эту минуту Александра окончательно решила изменить принципам, в которых ее воспитывал дед, но, прежде чем она попыталась солгать, мамаша уже заметила предательские красные пятна, загоревшиеся на щеках.

– Так это правда! – почти взвyla она. – Ответ написан на твоём лице! – Миссис Лоренс отпрянула и, вскочив, заметалась по комнате.

Александра слышала о женщинах, настолько поглощенных собственными страданиями и страстями, что они начинали рвать на себе волосы, и сейчас ей показалось, что мать вот-вот вцепится в свои седеющие пряди.

Быстро выбравшись из постели, она протянула руки, чтобы остановить мать.

– Мама, пожалуйста, не стоит так расстраиваться! Пожалуйста! Ни герцог, ни я не сделали ничего дурного!

Фелисия гневно закричала зубами:

– Ты можешь сама не понимать, что натворила, но этот... этот подлый, продажный развратник прекрасно все понимал. *Прекрасно!* И имел наглость ворваться сюда как ни в чем не бывало, зная, насколько ты наивна и глупа. Боже, как я его ненавижу!

И миссис Лоренс неожиданно свирепо стиснула Александру.

– Я не та слепая дуручка, какой была столько лет! Позволила твоему отцу использовать нас для своего развлечения, а потом выбросить, как ненужную ветошь, и я не допущу, чтобы Хоторну все сошло с рук! Я заставлю его поступить как подобает джентльмену!

– Мама, прошу тебя, успокойся! – взорвалась Александра, высвобождаясь из удушающих объятий матери. – Повторяю, он ничего плохого не сделал, даю слово. Просто провел ладонями по ногам, боясь, что я сломала кость, а на прощание поцеловал в лоб. Что тут ужасного?

– Он уничтожил твою репутацию, посмеив отвести тебя в гостиницу, и не оставил ни единого шанса найти тебе порядочного мужа! Никто теперь не посмотрит на опозоренную девушку! С этого дня ты не сможешь показаться в деревне с гордо поднятой головой! И твой герцог за это заплатит, и заплатит сполна! Вернувшись прошлой ночью в гостиницу, он рассказал доктору, как его найти. Мы поедем за ним и потребуем справедливости.

– Нет! – вскрикнула Александра, но мать была глуха ко всему, кроме внутреннего голоса, долгих три года взывавшего к мести.

– Он, несомненно, ожидает нашего визита, – с горечью продолжала миссис Лоренс, игнорируя мольбы дочери. – Особенно сейчас, когда мы узнали всю правду о том, что было вчера.

Глава 5

Вдовствующая герцогиня Хоторн, холодно улыбаясь, пристально разглядывала внука большими зеленовато-карими глазами. В свои семьдесят лет она по-прежнему оставалась красивой женщиной, с совершенно седыми волосами, царственной осанкой и твердокаменной уверенностью, присущей истинным аристократам, тем, кому выпало на долю вести привилегированную, полную роскоши жизнь.

Несмотря на неколебимое достоинство, сквозившее в каждом ее жесте, герцогиня, пережившая мужа и сыновей, хорошо знала, что такое истинная скорбь. Однако самообладание ее было так велико, что даже ближайšie знакомые не совсем понимали, любила ли она родных при жизни и тоскует ли по мертвым, а ее влияние в обществе казалось столь огромным, что никто и не осмеливался добиваться правды.

И теперь герцогиня без всяких внешних признаков тревоги безмятежно слушала старшего внука, сидевшего на диване в гостиной и небрежно объяснявшего, что он задержался из-за грабителей, пытавшихся убить его прошлой ночью.

Другой ее внук, однако, и не пытался скрыть свои чувства. Поднеся бокал к губам, Энтони усмехнулся и шутливо предположил:

– Признайся, Джордан, ты просто хотел провести еще один восхитительный вечер с твоей прелестной балериной. Э... прошу прощения, бабушка, – запоздало добавил он, когда женщина наградила его уничтожающим взглядом. – Но, говоря по правде, не было ни разбойников, ни двенадцатилетней девочки, поспешившей тебе на выручку, верно?

– Ошибаешься, – невозмутимо ответил Джордан.

Герцогиня молча прислушивалась к перепалке кузенов. Между ними существовала поистине братская близость, хотя оба были различны, как день и ночь. Джордан пошел в бабку – такой же холодный, бесстрастный, сдержанный, тогда как Энтони вырос общительным, веселым и неисправимо добродушным. Мать и отец Энтони души в нем не чаяли. Джордан же никогда не знал настоящей родительской любви. Однако герцогиня всецело одобряла манеры Джордана и не выносила легкомыслия Энтони. Порицание в той или иной степени было единственной эмоцией, которую позволяла себе открыто проявлять пожилая леди.

– Все произошло именно так, как я изложил, хотя, не скрою, гордость моя изрядно страдает, – сухо продолжал Джордан и, встав, подошел к буфету, чтобы налить себе еще портвейна. – Всего мгновение назад я смотрел в лицо смерти, и тут откуда ни возьмись она! Мчится прямо на нас... верхом на древней кляче, с опущенным забралом, с копьём в одной руке и ружьем в другой!

Прихватив бокал с португальским портвейном, который он особенно любил, Джордан вернулся в кресло и скорее задумчиво, нежели насмешливо закончил:

– Ее доспехи были ржавыми, а дом словно сошел со страниц плохого готического романа – паутина на потолке, выцветшие гобелены, скрипучие двери и сырые углы. Дворецкий, глухой, как придорожный столб, слепой лакей, который натывается на стены, старый пьянчуга дядюшка, именующий себя «сэр Монтегю Марш»...

– Любопытная семейка, – пробормотал Энтони. – Неудивительно, что девочка столь... э-э-э... необычна.

– «Традиционность, – без улыбки процитировал Джордан, – убежище косного разума».

Герцогиня, истово и неуклонно исповедовавшая всю жизнь традиционный консерватизм и придававшая огромное значение условностям, грозно нахмурилась:

– Кому принадлежит сие нелепое изречение?

– Александре Лоренс.

– *Крайне* интересно, – хмыкнул Энтони, удивленный странной, почти нежной улыбкой на обычно непроницаемом лице брата, когда тот вспомнил о девушке. Джордан редко улыбался, и всегда либо цинично, либо обольстительно, и почти никогда не смеялся. Его отец считал, что чувствительность – удел слабых душ и все нежное, мягкое – отвратительно, противоестественно, как и любые эмоции, делающие мужчину уязвимым. Включая любовь.

– И как же выглядит эта незаурядная представительница прекрасного пола? – осведомился Энтони, которому не терпелось узнать как можно больше о девушке, сумевшей произвести столь невероятное впечатление на кузена.

– Маленькая, – медленно протянул Джордан, воскрешая в памяти смеющееся лицо Александры. – И очень худая. Зато ее улыбка может растопить лед, а таких изумительных глаз я никогда не видел. Огромные, аквамариновые, и когда смотришь на нее, ничего, кроме этих глаз, не видишь. Речь столь же изысканная, как у нас с тобой, и, несмотря на всю мрачность этого ужасного дома, она жизнерадостна, как птичка.

– И очевидно, отважна, – добавил Энтони.

Джордан кивнул:

– Я собираюсь послать ей чек – вознаграждение за спасение моей жизни. Бог видит, деньги им пригодятся. Судя по тому, что она говорила... и о чем постаралась умолчать, все хозяйство лежит на ней. Александра, несомненно, будет оскорблена предложением денег, поэтому я и не заикнулся ни о чем прошлой ночью, но они облегчат ей жизнь.

Герцогиня пренебрежительно хмыкнула, все еще раздраженная смелым определением традиционности, высказанным мисс Лоренс.

– Так называемые простые люди, Джордан, готовы на что угодно ради лишней монеты. Удивляюсь, как она не попыталась выманить у тебя несколько фунтов еще вчера.

– Вы становитесь циничной, – насмешливо бросил Джордан. – Но насчет этой девочки ошибаетесь. Она совершенно бескорыстна и бесхитростна.

Пораженный подобным заявлением кузена, чье мнение о женском характере было пригорьно низким, Тони услужливо предложил:

– Почему бы тебе через несколько лет не познакомиться с ней поближе и не сделать своей...

– *Энтони!* – прогремела окончательная выведенная из себя герцогиня. – Будь добр придержать язык в моем присутствии!

– Мне и в голову не пришло вырвать ее из привычного окружения, – признался Джордан, не замечая мрачно сведенных бровей бабки. – Александра – редкая драгоценность, поэтому и дня в Лондоне не продержится. Для этого у нее недостаточно твердости, жестокости и честности. Она... – Он осекся и вопросительно взглянул на вошедшего дворецкого, вежливо кашлянувшего, чтобы привлечь внимание. – Да, Рамзи, в чем дело?

Рамзи негодуя выпрямился и посмотрел на герцога с брезгливой гримасой.

– Ваша светлость, – начал он, – некие странные особы требуют впустить их в дом. Заявляют, что хотят видеть вас. Прибыли в совершенно неопишуемой повозке, запряженной непонятным созданием, каковое и лошадью трудно назвать, а одежда... Ни один приличный человек не посмеет показаться в чем-то подобном...

– Кто они? – нетерпеливо перебил Джордан.

– Мужчина назвал себя сэром Монтегю Маршем. С ним две дамы – его невестка, миссис Лоренс, и племянница, мисс Александра Лоренс. Они утверждают, что приехали получить с вас долг.

При слове «долг» Джордан хмуро насупил.

– Пригласите их сюда, – коротко велел он.

Герцогиня, на миг изменив обычно высокомерию, позволила себе удовлетворенный – «я-же-тебе-говорила» – взгляд на внука.

– Как видно, мисс Лоренс не только жадна, но также бесцеремонна и крайне назойлива! Вообрази, врваться сюда и требовать с тебя уплаты какого-то долга!

Не отвечая на весьма справедливое замечание бабки, Джордан подошел к резному письменному столу в глубине комнаты и уселся.

– Вам вовсе не обязательно присутствовать при этом, я все устрою.

– Напротив, – неумолимо объявила герцогиня. – Мы с Энтони будем свидетелями на случай, если эти личности прибегнут к вымогательству!

* * *

Стараясь не сводить глаз со спины дворецкого, Александра нехотя плелась за матерью и дядюшкой Монти; великолепие окружающей обстановки с каждым мгновением все больше заставляло ее осознавать собственное ничтожество.

Конечно, она ожидала увидеть величественное здание, но действительность превзошла всяческое воображение. Перед ней предстал огромный мрачно-прекрасный особняк, окруженный тянувшимися на многие акры садами и газонами. До этой минуты девушка почему-то цеплялась за весьма ошибочное впечатление прошлой ночи, уверенная в том, что герцог на самом деле дружелюбный, добрый, все понимающий человек. Однако подобные заблуждения тотчас вылетели из головы, стоило ей увидеть поместье. Герцог пришел из другого мира. Для него Роузмид – всего-навсего маленький загородный дом.

«Дом, оказавшийся дворцом», – с ужасом думала девушка, замечая, как ноги утопают в толстом обюссонском ковре.

Дворецкий распахнул двери резного дуба и отступил, пропуская их в комнату, увешанную картинами в затейливых рамах. Подавив внезапное побуждение присесть перед застывшим слугой, Александра шагнула вперед, с ужасом ожидая момента, когда встретится с недавно обретенным другом и увидит его искривленные презрительной гримасой губы.

Она не ошиблась. Человек, сидевший за роскошным письменным столом, разительно отличался от того смеющегося, заботливого приятеля, спасенного ею всего два дня назад. Сегодня он превратился в холодного, сдержанного незнакомца, взиравшего на ее семью как на мерзких насекомых, пятнающих его дорогой ковер. Он даже не пытался быть сколько-нибудь вежливым – не позаботился встать или представить их находившимся в комнате людям. Вместо этого он коротко кивнул дядюшке Монти и миссис Лоренс, давая знать, что они могут сесть на расставленные перед столом стулья.

Однако когда его взгляд упал на Александру, лицо, словно высеченное из гранита, смягчилось, а глаза потеплели, будто он понял, какое унижение и стыд владеют девушкой. Обойдя вокруг стола, он придвинул еще один стул, специально для нее.

– Синяк сильно болит, малышка? – осведомился он, изучая фиолетовое пятно, залившее ее щеку.

Нелепо обрадованная его сочувствием и обходительностью, Александра покачала головой.

– Нет, нисколько, – выдохнула она с невероятным облегчением: кажется, он ничуть не осуждает ее за то, что она так дерзко ворвалась в его дом. Путаясь в подоле материнского, плохо сидевшего на ней платья, Александра опустила на край стула. Правда, она попробовала отодвинуться подальше, но юбка зацепилась за подлокотник, и материя натянулась до такой степени, что высокий ворот сдавил горло, и Александре пришлось вздернуть подбородок. Запутавшаяся, словно кролик в силке, девушка беспомощно уставилась на герцога.

– Вам удобно? – осведомился он без тени улыбки.

– Очень, благодарю вас, – солгала Александра, сгорая от стыда в прискорбной уверенности, что он с трудом сдерживает смех.

– Может, вам лучше встать и снова попытаться сесть?

– Благодарю вас, я прекрасно устроилась.

Веселые искорки в глазах герцога мгновенно исчезли, стоило ему вновь усесть за стол. Переводя взгляд с миссис Лоренс на дядюшку Монти, он без предисловий объявил:

– Вы могли бы обойтись без этого ненужного визита и избавить себя от лишних неприятностей. Я и без того намеревался выразить свою благодарность Александре, послав ей чек на тысячу фунтов, который был бы доставлен вам на следующей неделе.

Девушка тихо охнула при упоминании такой огромной суммы. Да на такие деньги можно прожить в относительной роскоши не менее двух лет! И если она захочет, можно жечь дрова, не задумываясь о том, что будет завтра. Правда, на это она, конечно, не отважится...

– Но этого недостаточно, – проворчал дядюшка Монти, и Александра испуганно вскинула голову.

В голосе герцога зазвенела сталь.

– Сколько же вы хотите? – сухо спросил он, испепеляя беднягу Монти убийственным взглядом.

– Мы пришли, чтобы добиться справедливости, – объявил, откашлявшись, старый рыцарь. – Наша Александра спасла вам жизнь.

– Но за это я готов щедро заплатить, – процедил герцог. – Итак, сколько вам нужно?

Дядюшка Монти неловко поежился, но нашел в себе мужество продолжать:

– Наша девочка спасла вам жизнь, а в благодарность вы погубили ее.

У герцога был такой вид, словно он вот-вот взорвется.

– Что?! Что я сделал?! – зловеще проскрежетал он.

– Вы привезли девушку из благородной семьи в гостиницу, отнесли ее на руках в спальню и бог знает что там вытворяли с ней!

– Я отвез в гостиницу ребенка, – отрезал Джордан. – Ребенка, который лежал без сознания и нуждался в докторе!

– Послушайте, Хоторн, – внезапно окрепшим голосом возразил немного пришедший в себя дядюшка Монти, – вы выставили напоказ не девочку, а юную леди! Затащили ее в спальню на глазах у половины деревенских жителей и полчаса спустя снова вынесли – в полном сознании, растрепанную, одежда в беспорядке – и даже не позаботились дождаться доктора. Моральные принципы крестьян так же высоки, как среди аристократов, уж поверьте мне, а вы публично их поправили. Вряд ли вы представляете, какой скандал разразился!

– Если праведные обитатели вашей Богом забытой дыры могут устроить скандал из-за таких мелочей, не мешало бы им прочистить себе мозги. Но хватит спорить из-за пустяков! Сколько вам...

– Пустяков?! – разъяренно взвизгнула миссис Лоренс, наклоняясь вперед и стискивая край столешницы с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – Да как вы смеете, злобный, порочный развратник! Александре семнадцать, и вы ее обесчестили! Родители ее жениха были в гостинице, когда вы внесли ее в дом, и они уже разорвали помолвку! Вас следует повесить... Нет! Такая казнь чересчур хороша для вас!

Но герцог, казалось, уже не слушал – резко обернувшись к Александре, он стал изучать ее лицо, словно никогда раньше не видел.

– Сколько вам лет? – требовательно бросил он.

Александра, сама не зная как, умудрилась выдать ответ. Господи, это хуже, гораздо хуже, чем она ожидала!

– Семнадцать. Исполнится восемнадцать на будущей неделе, – едва слышным извиняющимся шепотом призналась она и покраснела под пристальным взглядом герцога, остановившимся в конце концов на ее маленькой груди, – очевидно, он был не в силах поверить, что просторное платье скрывало взрослую девушку. Пытаясь как-то оправдать свою обманчиво

мальчишескую фигуру, Алекс, запинаясь, добавила: – Дедушка часто говорил, что все женщины в нашей семье расцветают поздно, и...

Поняв, что только сейчас с ее уст сорвалось непростительное и крайне неуместное для юной леди признание, Александра осеклась, побагровела от смущения и устремила полный отчаяния взгляд на остальных обитателей гостиной в надежде встретить какое-то понимание и прощение. Напрасно. Мужчина наблюдал за ней с веселым изумлением. Леди, казалось, окаменела. Александра вновь посмотрела на герцога и заметила, что выражение его лица стало поистине свирепым.

– Предположим, я совершил роковую ошибку, – обратился он к ее матери. – Что же вы хотите от меня?

– Поскольку ни один порядочный человек не женится на моей дочери после того, что вы наделали, мы ожидаем, что вы сделаете ей предложение и этим все исправите. Ее происхождение безупречно, и, кроме того, мы связаны родством с графом и рыцарем. Вы вряд ли можете утверждать, что она недостойна стать невестой герцога.

Глаза Джордана зажглись яростью.

– Утверждать?! – взорвался он, но тут же, поспешно проглотив остаток пламенной речи, стиснул зубы так сильно, что на щеке дернулся мускул. – А если я откажусь? – процедил он.

– В таком случае я немедленно подаю на вас жалобу в лондонский суд! И не воображайте, что я на такое не пойду! – воскликнула миссис Лоренс.

– Не посмеете! – с уничтожающей уверенностью отозвался герцог. – Начать тяжбу означает распространить по всему Лондону тот самый скандал, который уже принес столько бед Александре.

Доведенная до исступления его надменным спокойствием и горькими воспоминаниями о вероломстве мужа, миссис Лоренс, сотрясаемая гневом, вскочила со стула.

– А теперь выслушайте меня хорошенько! Я сделаю, *сделаю* именно так, как сказала. Александра либо станет жить под защитой вашего имени, либо должна попытаться купить респектабельность вашими деньгами, и если выйдет по-моему, на это не хватит всего вашего состояния! Так или иначе, нам нечего терять. Понятно?! – почти завопила она. – Я не позволю использовать нас и вышвырнуть, как это удалось моему муженьку! Вы такой же негодяй, как он. Все мужчины – чудовища, эгоистичные, омерзительные чудовища...

Джордан молча изучал полубезумную женщину, стоявшую перед ним. Глаза лихорадочно блестят, кулаки сжаты так сильно, что под кожей выступили голубые вены. Да она и впрямь готова выполнить свою угрозу. Очевидно, ненависть к мужу пожирает ее, и эта фурия готова подвергнуть Александру публичному скандалу и унижению только для того, чтобы отомстить другому человеку – герцогу Хоторну.

– Вы целовали ее, – разъяренно шипела женщина, – прикасались... Она сама признала...

– Мама, перестань! – вскрикнула Александра, обхватив себя руками и сгибаясь, словно от жестокой боли. – Пожалуйста, пожалуйста, не делай этого, – прерывисто пробормотала она. – Не делай этого со мной...

Джордан взглянул на женщину-ребенка, свернувшуюся в жалкий клубочек. Трудно поверить, что это та же самая, веселая, остроумная, храбрая девочка, спасшая его всего два дня назад.

– Бог знает, что еще ты позволила ему...

Герцог с грохотом ударил ладонью по столешнице, так что эхо удара разнеслось в отделанной дубовыми панелями комнате.

– Довольно! – прогремел он. – Садитесь!

Дождавшись, пока миссис Лоренс неохотно повиновалась, Джордан встал, шагнул к Александре и, не слишком нежно схватив ее за руку, поднял.

– Вы пойдете со мной, – приказал он. – Я хочу поговорить с вами наедине.

Миссис Лоренс открыла было рот, чтобы возразить, но тут наконец вмешалась вдовствующая герцогиня.

– Молчание, миссис Лоренс! – приказала она ледяным голосом. – Мы достаточно наслушались ваших речей!

Александр приходилось почти бежать, чтобы не отстать от герцога, пока он тащил ее через гостиную, по коридору, в маленький салон, выдержанный в сиреневых тонах. Только хлопнув за собой дверь, он выпустил девушку, подошел к окну и сунул руки в карманы. Молчание длилось, действуя на и без того натянутые нервы, но Джордан продолжал смотреть на ухоженные газоны, не разжимая губ, мрачный как туча. Алекс понимала, что в эту минуту он пытается найти выход из создавшегося положения, отделаться от ее родных и, уж конечно, от нежеланной женитьбы. Она знала также, что под внешней невозмутимостью кипит ужасная, вулканическая ярость, готовая в любой момент обрушиться на нее. Сгорая от неимоверного стыда, Александра беспомощно ждала, наблюдая, как он с каждой секундой все больше мрачнеет.

Вдруг мужчина обернулся так стремительно, что девушка невольно отступила.

– Перестаньте трястись, как напуганный кролик! – рявкнул он. – Это я попал в ловушку, не вы!

Мертвенное спокойствие снизошло на Александру, вытеснив все ощущения, кроме сознания собственного позора. Маленький подбородок надменно поднялся, плечи распрямились, и на глазах Джордана произошла удивительная метаморфоза – эта девочка, отважно пытавшаяся обрести утраченное самообладание, выиграла нелегкий поединок. Перед ним стояла исполненная достоинства, похожая на мальчишку-сорванца королева в жалких обносках, со сверкающими, словно бриллианты, глазами.

– Я не могла ничего сказать в той комнате, – объявила она слегка дрожащим голосом, – потому что мама никогда не позволила бы, но, не попроси вы разрешения поговорить со мной наедине, я сама бы сделала это.

– Выкладывайте все, что собирались сказать, и покончим с этим поскорее, – небрежно бросил Джордан.

Александра вздернула подбородок чуть выше. Зря она надеялась, что он не станет относиться к ней с таким же уничтожающим презрением, как к матери.

– Сама идея нашего брака нелепа, – начала она.

– Вы совершенно правы, – грубо отрезал он.

– Мы живем в абсолютно разных мирах.

– Верно, мисс Лоренс.

– Вы не хотите жениться на мне.

– В самую точку, – оскорбительно хмыкнул герцог.

– Но и я не желаю выходить за вас, – вскинулась она, униженная до глубины души каждым недобрым словом, произнесенным герцогом.

– Крайне мудро с вашей стороны, – язвительно согласился он. – И подумать только, как долго я заблуждался, считая, будто все девушки жаждут заполучить богатого мужа.

– Но я не похожа на остальных девушек.

– Я почувствовал это с той минуты, как увидел вас.

Александра, расслышав очередное замаскированное оскорбление, едва не задохнулась от досады:

– Значит, все улажено. Мы не женимся.

– Напротив, – возразил он звенящим от ярости тоном. – У нас нет выбора, мисс Лоренс. Ваша маменька поступит в точности как обещает и потащит меня в суд. Поверьте, она готова уничтожить вас, только чтобы наказать меня.

– Нет, нет! – вырвалось у Александры. – Она не осмелится! Вы совсем не знаете маму! Она... Она так и не оправилась после смерти папы. – Сама того не сознавая, девушка вцепилась в рукав безупречно сшитого серого фрака и умоляюще посмотрела на герцога. – Не позволяйте им вынудить вас жениться! Иначе вы будете ненавидеть меня всю жизнь, я знаю! Вот увидите, деревенские жители вскоре забудут о скандале! Простят меня и забудут! Во всем виновата я сама! Не упади я так по-дурацки в обморок, вам не пришлось бы везти меня в гостиницу! Я впервые в жизни потеряла сознание, да и то лишь потому, что убила человека, и...

– Достаточно, – резко перебил Джордан, чувствуя, как петля брака неумолимо затягивается на шее. Пока Александра не заговорила, он безуспешно пытался найти выход из невыносимого положения и был готов даже схватиться за ее уверения в том, что мать скорее всего не способна на решительные действия. Говоря по правде, Джордан уже начал придумывать многочисленные и весьма убедительные причины, препятствующие свадьбе, из которых не последним было то соображение, что девушка вовсе не желает становиться его женой. Только... только он не рассчитывал, что малышка примется самоотверженно умолять его не приносить себя в жертву на алтарь брака ради нее. Кроме того, Джордан на несколько минут позабыл, что обязан ей своим существованием.

Он молча изучал стоящее перед ним трогательно гордое дитя в убогом платье. Она спасла ему жизнь, рискуя собственной, а он оплатил ей тем, что навеки уничтожил для нее всякую возможность выйти замуж. А без мужа, который возьмет на себя бремя ее забот, девочка вечно обречена тащить на своих хрупких плечах тяжелую ношу беспорядочного хозяйства. Именно он невольно, но бесповоротно разрушил ее будущее.

Джордан нетерпеливо вырвал рукав из пальцев Алекса.

– Иного выхода нет, – процедил он. – Я получу специальное разрешение на брак³, и мы поженимся на этой неделе. Ваши мать и дядя, – добавил он с обжигающим презрением, – могут остановиться в местной гостинице. Я не потерплю их под своей крышей.

Последнее замечание принесло Александре больше унижения, чем все сказанное им до этого.

– Я заплачу за их комнаты, – коротко бросил герцог, неправильно истолковав ее потрясенный взгляд.

– Дело не в этом! – вздохнула она.

– В таком случае что тревожит вас? – требовательно осведомился он.

– Дело в том... – Александра отвернулась, с отчаянием оглядывая удушливо-строгую обстановку комнаты. – Все, все плохо! Я совсем не так представляла свою свадьбу! – Девушка была настолько удручена, что поспешила пожаловаться на меньшую из бед. – Я всегда думала, что стану венчаться в деревенской церкви, а моя лучшая подруга Мэри Эллен будет рядом, и...

– Прекрасно, – резко перебил он. – Пригласите свою подругу сюда, и вам будет легче вынести оставшиеся до свадьбы дни. Дайте ее адрес дворецкому, и я немедленно пошлю за ней лакея. Бумага и перья в ящике письменного стола. Надеюсь, вы умеете писать?

Алекс пошатнулась, словно ее наотмашь ударили по лицу, и на кратчайшее мгновение Джордан увидел сильную, гордую, великолепную женщину, которой она когда-нибудь станет. Зеленовато-голубые глаза пренебрежительно сверкнули.

– Да, милорд, я умею писать...

Джордан уставился на исполненную презрения малышку, высокомерно взирающую на него с брезгливым сожалением, и проникся чем-то вроде веселого уважения к девчонке, посмеившей так на него смотреть.

– Прекрасно, – кивнул он.

– ...на трех языках, – добавила она с царственной надменностью.

³ Разрешение на венчание без церковного оглашения.

Джордан едва сдержал улыбку. После его ухода Александра робко подошла к маленькому письменному столу в самом углу и, усевшись, выдвинула ящик и достала бумагу, перо и чернильницу. Слишком возбужденная, чтобы сосредоточиться на разумных объяснениях случившегося, она быстро нацарапала:

«Дорогая Мэри Элен, как только прочтешь это письмо, пожалуйста, приезжай вместе с человеком, который его привезет. Несчастье обрушилось на меня, и я одинока и безутешна. Мама и дядя Монти здесь, так что твоей матери не придется за тебя волноваться. Прошу тебя, поспеши. Остается совсем немного времени до того, как мне придется тебя покинуть...»

* * *

На черных пушистых ресницах девушки повисли две огромные слезы и, сорвавшись, расплылись на бумаге. Только тогда она оставила бесплодную борьбу и уронила голову на сложенные руки. Худенькие плечи затряслись от безудержных рыданий.

– Нечто чудесное? – прерывисто прошептала она, обращаясь к Богу. – И это ты считаешь чудесным?

* * *

Три четверти часа спустя Рамзи выпроводил притихших и укрошенных миссис Лоренс и сэра Монтегю из дома, оставив герцогиню наедине с обоими внуками. Пожилая леди медленно поднялась и, выпрямившись, обратилась к Джордану:

– Надеюсь, ты не собираешься действительно пройти через *это*?

– Напротив, я вполне серьезен.

Лицо женщины смертельно побелело.

– Но почему? Не хочешь же ты заставить меня поверить, что чувствуешь хотя бы малейшее желание жениться на этой провинциальной мышке?!

– Нет.

– Но зачем, во имя Господа, ты собираешься пойти на это?!

– Жалость, – с жестокой откровенностью признался он. – Мне ее жаль. И нравится это вам или нет, я виноват в том, что с ней случилось. Вот и все.

– В таком случае откупись от нее!

Джордан, откинувшись на спинку кресла, устало прикрыл глаза и сунул руки в карманы брюк.

– Откупиться? – с горечью повторил он. – Поверьте, это мое самое горячее желание, но ничего не выйдет. Она спасла мне жизнь, а я за это уничтожил ее шансы на будущее и обеспеченное спокойное существование. Вы слышали, что сказала ее мать, – жених уже разорвал помолвку, потому что она «обесчещена». Стоит ей вернуться в деревню, и она станет желанной и легкой добычей для всех похотливых негодяев. Ни респектабельности, ни мужа, ни детей. Через год-другой ей придется продавать себя в той же гостинице, куда я ее привез.

– Вздор! – невозмутимо бросила герцогиня. – Дай ей денег, и она может уехать куда угодно, хоть в Лондон, куда не докатятся сплетни.

– Самое большее, на что она может надеяться в Лондоне, – пойти на содержание, и то при условии, что сумеет привлечь богатого старого дурака или глупого молодого щеголя и заставить их купить ей дом и наряды. Вы видели ее – женщины подобного типа вряд ли могут пробудить в мужчине вождление.

– Совершенно ни к чему быть вульгарным, – сухо предупредила герцогиня.

Джордан, открыв глаза, сардонически усмехнулся:

– Признаться, я нахожу довольно вульгарной саму мысль о том, что можно вознаградить малышку за спасение моей жизни, толкнув ее на путь замаскированной проституции. Кажется, вы именно это предлагаете?

Они молча смотрели друг на друга через комнату – схватка двух негибаемых характеров проходила в полнейшей тишине. Наконец герцогиня отступила первая, признавая поражение легким наклоном безупречно причесанной головы.

– Как угодно, Хоторн, – произнесла она, неохотно подчиняясь власти главы семейства. Но тут еще одна мысль поразила герцогиню, и она, мгновенно помрачнев, бессильно опустилась в кресло. – На протяжении семисот лет родословная нашего семейства была безупречна. Мы потомки королей и императоров. И ты хочешь, чтобы это полнейшее ничтожество произвело на свет будущего наследника?! – Полностью выведенная из себя, ее милость обратила гнев на второго внука: – Да что же ты сидишь, Энтони! Скажи что-нибудь!

Лорд Энтони Таунсенд спокойно пожал плечами.

– Прекрасно, – дружелюбно объявил он, принимая решение Джордана с фаталистической улыбкой. – Когда меня представят будущей кузине? Или вы намереваетесь запереть ее в салоне до свадьбы?

Герцогиня наградила его убийственным взглядом. Она сидела неподвижно, выпрямив спину и высоко держа седую голову, но горькое разочарование последнего часа состарило ее на десять лет.

Энтони поднял бокал:

– За твое будущее семейное счастье, Хок!

Джордан иронически блеснул глазами, не меняя бесстрастного выражения лица. Энтони не удивляло это отсутствие видимых эмоций. Подобно бабке, Джордан всегда держал себя в руках, но в отличие от герцогини Хоку это удавалось без усилий, так легко, что и Тони, и многие другие часто гадали, способен ли он вообще испытывать глубокие чувства, кроме ярости, конечно.

В этом Тони был прав. Думая о предстоящей женитьбе, Джордан действительно ничего не ощущал, кроме угрюмого, мрачного смирения. Поднося бокал к губам, Джордан с изумлением размышлял о столь неожиданном повороте судьбы. После бесчисленных романов с самыми опытными, искушенными и наименее добродетельными женщинами Англии изменница фортуна наградила его девочкой-невестой, воплощением невинности и чистоты. Недавно все глубоко скрытые инстинкты предостерегали его, что отсутствие этой искушенности, умудренности жизнью происходит не от неопытности, а скорее из подлинного благородства духа и истинной сердечной доброты.

В его объятиях она потеряет девственность, но Джордан сомневался, что ее безбрежная наивность исчезнет с годами. И что она приобретет безупречный лоск, скучающую утонченность и едкое остроумие, считающиеся столь же необходимым пропуском в высшее общество, как происхождение и семейные связи.

Его лишь слегка беспокоило, что она никогда не станет частью его судьбы. Да, это его волновало, но, положив руку на сердце, Джордан не собирался проводить с ней много времени в последующие годы, как и не собирался кардинально менять образ жизни. Он поселит Александру в Девоне и будет изредка навещать ее.

Джордан тяжело вздохнул. Придется сообщить любовнице, что она не сможет сопровождать его в Девон, как они намеревались. Благодарение Богу, Элиз настолько же умна и проницательна, насколько прекрасна и чувственна. Она не станет устраивать сцен, когда Джордан поведает ей о своей поспешной женитьбе.

– Ну так когда же нас ей представят как полагается? – повторил Энтони.

Вместо ответа Джордан дернул за шнур сонетки.

– Рамзи, – приказал он возникшему на пороге дворецкому, – отправляйтесь в сиреневый салон и приведите мисс Лоренс.

– Где мама и дядюшка Монти? – встревожилась Александра, войдя в гостиную.

Джордан поднялся и выступил вперед.

– Они отправились в гостиницу, где и останутся в счастливом ожидании нашего венчания, – пояснил он с нескрываемой иронией. – Однако вы будете жить здесь.

Прежде чем Александра успела опомниться, ее уже представляли вдовствующей герцогине, бесцеремонно рассматривающей сквозь лорнет будущую жену внука. Униженная сверх всякой меры пренебрежительно-оценивающим взором, Александра вздернула подбородок и столь же откровенно уставилась на старуху.

– Не смейте так дерзко и непочтительно глазеть на меня! – рявкнула герцогиня, заметив выражение лица Александры.

– О, так я была груба, мадам? – с притворным раскаянием осведомилась девушка. – Прошу извинить меня. Видите ли, я действительно читала, что неприлично пристально смотреть на человека. Правда, я слишком невежественна и поэтому не представляю, как должен при этом поступить тот, на кого смотрят!

Лорнет выскользнул из пальцев герцогини, а глаза превратились в узенькие щелочки.

– Да как вы смеете читать мне мораль?! Ничтожество! Ни происхождения, ни воспитания!

– «Да, происхождение – вещь весьма важная, – разгневанно процитировала Александра, – но слава принадлежит не нам, а нашим предкам!»

Энтони издал странный сдавленный звук, весьма напоминающий смех, и поспешно втиснулся между взбешенной бабкой и неразумным ребенком, не задумавшимся вступить в словесный поединок.

– Платон, не так ли? – осведомился он, протягивая руку.

Александра покачала головой и застенчиво улыбнулась в надежде наконец найти союзника в этом обиталище враждебных чужаков.

– Плутарх.

– Я почти угадал, – хмыкнул он. – Поскольку Джордан, кажется, внезапно онемел, позвольте представиться: я Тони, кузен Джордана.

Алекс вложила ладонь в его протянутую руку.

– Как поживаете?

– Реверанс! – ледяным тоном приказала герцогиня.

– Прошу прощения?

– Молодая леди должна сделать реверанс, когда ее представляют персоне старше по возрасту или положению.

Глава 6

Назавтра вечером Александра стояла у окна в сгущающихся сумерках, неотрывно глядя вдаль, когда на подъездной аллее появился внушительных размеров экипаж, фонари которого отбрасывали на землю оранжевые отблески.

– Мэри Эллен! – выдохнула девушка и, выскочив из комнаты, помчалась по длинному коридору.

Рамзи открыл дверь, как только Мэри Эллен спрыгнула с подножки и взбежала по ступенькам крыльца. Длинные рыжие волосы развевались на ветру. Девушка с трудом удерживала множество свертков весьма странной формы, не говоря уже о зажатых в кулаке лентах шляпки, болтающейся на весу. Очутившись в холле, Мэри Эллен присела перед изумленным дворецким, посчитав по его надменному виду, что перед ней, должно быть, Очень Важная Особа, и отчаянным голосом осведомилась:

– Прошу вас, милорд, скажите, где Александра? Она еще жива?

Но дворецкий молча открывал и закрывал рот, словно рыба на суше, и Мэри Эллен, не добившись ответа, рванулась к лакею, снова присела и умоляюще прошептала:

– Где Александра, сэръ? Пожалуйста, скажите!

В этот момент Александра едва ли не кубарем слетела с лестницы в холл и обхватила Мэри Эллен вместе со всеми свертками и шляпкой.

– Мэри Эллен! – радостно завопила она. – Я так счастлива, что ты приехала...

Радостный смех и девичий щебет, внезапно взорвавшие привычную, почти кладбищенскую тишину величественного дома, показались его обитателям столь возмутительными, что в холле мгновенно появились не только еще трое слуг, но и вдовствующая герцогиня со старшим внуком.

Мэри Эллен происходила из обыкновенной семьи потомственных фермеров, не разбиравшихся в строгих правилах этикета и не заботившихся о мнении аристократов, поскольку никогда с ними не встречались. Поэтому девушка, к счастью, не подозревала, что обитатели Роузмида будут судить о ней по первому впечатлению и найдут не стоящей их внимания. Но для преданного сердечка Мэри Эллен не было ничего важнее того ужасного открытия, что Александра, очевидно, попала в беду.

– О, Алекс! – воскликнула девушка взволнованно. – Я думала, ты умираешь! А ты здесь и выглядишь почти так же, как всегда... ну, только чуточку побледнела, что неудивительно, раз приходится жить в столь угрюмом доме с этими мрачными людьми. – И, не успев отдышаться, с тревогой объявила: – Твоя записка ужасно нас расстроила, и мама тоже собиралась приехать, но не смогла, потому что папа опять нездоров. А этот отвратительный кучер не пожелал объяснить, что с тобой, хотя я *умоляла* его сказать хоть словечко. Задирает свой огромный нос и твердил только, что не имеет права ни о чем говорить. Ну расскажи же поскорей, прежде чем я умру от любопытства. Почему ты безутешна, что за ужасное несчастье тебя постигло и... и кто эти люди?

Позади раздался резкий голос, словно ударом кнута вернувший девушек к печальной действительности:

– Насколько я понимаю, мисс Лоренс безутешна, так как должна выйти замуж за владельца этого угрюмого дома, который, кстати, приходится мне внуком.

Мэри Эллен, онемев от неожиданности, отступила.

– О нет! – жалобно выкрикнула она, испуганно оглядываясь на облаченного в прекрасно сшитую черную ливрею Рамзи, которого с самого начала ошибочно приняла за хозяина дома. – Алекс, ты не можешь выйти замуж за этого человека! Я не позволю! Алекс, он *толстый!*

Заметив, что глаза герцогини положительно мечут ядовитые искры, Джордан, стоявший в противоположных дверях, откуда, забавляясь и одновременно с некоторым раздражением, наблюдал за происходящим, наконец решил вмешаться и вежливо кашлянул.

– Александра, возможно, стоило бы избавить вашу подругу от поклажи, а потом представить как полагается?

Девушка виновато вскинулась при звуках его негромкого властного голоса.

– Да. Да, конечно, – поспешно согласилась она.

Рамзи тут же выступил вперед и забрал у Мэри Эллен свертки.

– Что в самом большом? – едва слышно осведомилась Александра, когда дворецкий величественно направился к двери.

– Снадобья из кишок и плесени, – громко заявила Мэри Эллен, – которые мама приготовила специально для тебя. Правда, она не знала, чем ты больна.

Рамзи брезгливо вытянул вперед руку, пытаясь держать сверток подальше от себя, и девочки задохнулись от смеха, но веселье Александры испарилось так же быстро, как возникло. Стиснув локоть Мэри Эллен, она повернула подругу лицом к герцогине и Джордану. При одном взгляде на окаменевшую старуху девушка испуганно отпрянула. Александра, смущенно запинаясь, представила ее хозяевам.

Презрев неразборчивое бормотание Мэри Эллен, лепечущей какое-то подобие приветствия, герцогиня отрывисто прорычала:

– Ирландка?

Скорее сконфуженная, чем уstraшенная, Мэри Эллен кивнула.

– Этого следовало ожидать, – с горечью заметила ее светлость. – И конечно, католичка?

Девушка снова кивнула.

– Я так и думала.

И герцогиня, бросив на Джордана взгляд королевы-мученицы, вынужденной терпеть омерзительное общество гнусных простолюдинов, молча удалилась в салон. Мэри Эллен с недоумевающим выражением на хорошеньком личике долго смотрела ей вслед и обернулась, лишь когда Алекс представила ей герцога Хоторна. Девушка оцепенела, словно громом пораженная, и уставилась на Алекс широко распахнутыми глазами.

– Герцог?! – прошептала она, совершенно позабыв о самой титулованной особе, ожидавшей ее реверанса.

Александра кивнула, уже понимая, что с ее стороны было величайшей глупостью потребовать присутствия здесь этой простой деревенской девушки.

– Настоящий, подлинный, истинный герцог? – шепотом продолжала Мэри Эллен, боясь взглянуть в лицо Джордана.

– Совершенно верно, – сухо подтвердил тот. – Настоящий, подлинный, истинный герцог. Ну а теперь, когда стало ясно, кто я, почему бы не узнать, кто вы?

Вспыхнув до корней ярко-рыжих волос, Мэри Эллен присела, откашлялась и пролепетала:

– Мэри Эллен О’Тул, сэр. Милорд. Ваше высочество. – Она снова присела. – К вашим услугам, сэр, то есть ми...

– Ваша светлость, – пояснил Джордан.

– Что? – тупо переспросила девушка, покраснев еще сильнее.

– Я все объясню наверху, – торопливо вмешалась Александра и, стараясь взять себя в руки, нерешительно глянула на Джордана, возвышавшегося в дверях подобно смуглому великану-божеству. Огромный. Устрашающий. И притягательно-неотразимый.

– Если позволите, ваша светлость, я отведу Мэри Эллен наверх.

– Да, конечно, – небрежно бросил Джордан, и Александра с унижением осознала, что он находит их столь же абсурдно-забавными, как двух неуклюжих щенят-дворянжек, которые весело резвятся во дворе, не обращая внимания на окружающих.

Они приблизились к дверям салона, и оттуда, подобно приглушенному раскату грома, донесся голос герцогини.

– Реверанс! – рявкнула она.

Девушки поспешно обернулись и одновременно низко присели.

– Она что, не в себе? – взорвалась Мэри Эллен, как только обе очутились в спальне Александры. – Боже, – продолжала девушка, настороженно оглядывая роскошную комнату, словно ожидая, что герцогиня, подобно злему духу, может материализоваться прямо из воздуха, – неужели она не может говорить как все люди, а не объясняться отдельными словами и при этом рычать? «Ирландка? Католичка? Реверанс!» – передразнила она.

– Это сумасшедший дом, – согласилась Александра, чувствуя себя не в силах даже засмеяться уморительным гримаскам подруги. – И мне придется стать его обитательницей.

– Но почему? – встревоженно выдохнула Мэри Эллен. – Алекс, что случилось? Всего четыре дня назад мы устроили турнир и так веселились, а теперь вся деревня только и судачит о тебе. Мама сказала, я не должна никому верить, пока мы не узнаем от тебя правду. Но жена сквайра передала Онор, которая шепнула мне, что с тобой теперь зазорно и словом-то перемолвиться, а завидев тебя, следует переходить на другую сторону улицы, потому что ты обещена.

Александра не представляла, что можно чувствовать себя еще более одинокой и несчастной, чем сейчас, но эти ужасные слова глубоко ранили ее сердце. Значит, все поверили грязной сплетне. Люди, которых она знала едва ли не с колыбели, не задумываясь отвергли ее, даже не выслушав. Только Мэри Эллен и ее родные верили в нее и готовы были дожидаться объяснений, прежде чем судить.

Пошатнувшись, Александра почти рухнула на золотистое парчовое покрывало и подняла на подругу измученные глаза.

– Сейчас ты все узнаешь...

Когда она наконец замолчала, Мэри Эллен несколько долгих минут потрясенно смотрела на нее. Однако постепенно ошеломление девушки сменилось задумчивостью, и Мэри Эллен неожиданно просияла.

– Алекс, – выдохнула она, расплываясь в широкой улыбке. – Твой жених не только герцог, но и настоящий красавец. В жизни не встречала такого великолепного мужчину! Да-да, и не вздумай отрицать! Мне так показалось с первого взгляда, просто я была слишком расстроена, чтобы как следует его рассмотреть!

Прекрасно зная об отношении подруги к противоположному полу, Александра смущенно пробормотала:

– Его внешность... не так уж отталкивающа.

– Вот как? – неверяще охнула Мэри Эллен и, мечтательно подняв взор к небу, объявила: – Клянусь, он даже интереснее Генри Бичли, а уж красивее парня трудно найти! Да я сама без ума от Генри!

– А полгода назад ты считала, что Генри в подметки не годится Джорджу Ларсону, – напомнила Александра. – И была без ума от Джорджа.

– Только потому, что не успела разглядеть Генри! – возразила Мэри Эллен.

– А еще за шесть месяцев до того убеждала меня, что лучше Джека Сандерса в мире нет, и не сводила с него глаз.

– Просто я не удосужилась присмотреться к Джорджу и Генри! – вскричала Мэри Эллен, сбитая с толку странной веселостью Александры.

– Думаю, – пошутила та, – что твое плохое зрение – результат чтения бесконечных любовных романов. Недаром каждый молодой человек в твоих глазах превращается в прекрасного романтического героя!

Мэри Эллен открыла было рот, чтобы яростно запротестовать против такого оскорбления ее вечной любви к Генри Бичли, но тут же передумала и лукаво улыбнулась.

– Ты, наверное, права, – вздохнула она, садясь на кровать с противоположной стороны, и печально добавила: – Твоего герцога не назовешь симпатичным!

– Вот как? – взвилась Александра, мгновенно бросаясь на защиту Джордана. – Но у него благородное, мужественное и... и очень необычное лицо.

– Неужели? – осведомилась Мэри Эллен, едва сдерживая смех и притворяясь, что изучает свои коротко стриженные ногти. – Ты не находишь, что волосы у него чересчур темные, кожа слишком загорелая, а глаза какого-то странного цвета?

– Они серые! Прекрасный, редкостный оттенок серого!

Не отрывая взгляда от разгневанной подруги, Мэри Эллен деланно-невинно пожала плечами:

– Но ведь нельзя же зайти так далеко, чтобы осмелиться уподобить его греческому богу?

– Греческий бог, подумаешь, – фыркнула Александра. – Ну уж нет!

– В таком случае с кем же его можно сравнить? – поинтересовалась Мэри Эллен, не в силах больше скрывать, как забавляет ее страстная влюбленность Алекс.

Александра смиренно понурилась, признавая поражение.

– О, Мэри Эллен, – благоговейно выдохнула она, – он точная копия «Давида» Микеланджело!

Мэри Эллен с мудрым видом покачала головой:

– Ты любишь его. Не отрицай. Твое лицо так и светится при одном упоминании его имени. Ну а теперь скажи, – умоляюще попросила она, – каково это... любить мужчину? Пожалуйста!

– Ну... – протянула Александра, испытывая настоящую потребность исповедаться, хотя разум зывал к ее рассудительности и сдержанности, – это совершенно необычайные, но волнующие ощущения. Когда я сталкиваюсь с ним в холле, чувствую себя точно так же, как при виде папиного экипажа, подъезжающего к дому... счастливой, но одновременно боюсь, что выгляжу настоящим чучелом, и переживаю, что он уедет, если я не стану его развлекать и не сумею вести себя как надо, и тогда... потеряю его навсегда.

Мэри Эллен так не терпелось узнать побольше о восхитительных переживаниях подруги, что она не задумываясь бросила:

– Не будь глупенькой! Как он может оставить тебя, если вы поженитесь?

– В точности как папа покинул маму.

В зеленых глазах Мэри Эллен на миг мелькнуло сочувствие, но девушка тут же встряхнулась и просияла:

– Ничего не бойся! Все это уже в прошлом, и, кроме того, через четыре дня тебе исполнится восемнадцать, а это означает, что ты становишься настоящей женщиной!

– Но я не чувствую себя женщиной, – измученно пробормотала Александра, пытаюсь облечь в слова все, что так тревожило ее с той минуты, как она встретила человека, похитившего ее сердце. – Мэри Эллен, я не знаю, что сказать ему. Меня никогда не интересовали мальчики, и теперь я просто не знаю, о чем говорить и что делать. Либо я выпаливаю первое, что приходит на ум, и выгляжу совершенной дурочкой, либо теряю голову и превращаюсь в соляной столп. Ну как мне быть?

Во взгляде Мэри Эллен блеснула гордость. Все знали, что умнее и учнее Александры нет человека в деревне, хотя никто не мог бы назвать ее красавицей, но также никто не считал,

что у признанной деревенской красотки Мэри Эллен имеется хоть капля мозгов. Говоря по правде, даже родной отец нежно называл ее своей прелестной маленькой тыквочкой.

– О чем ты говоришь с мальчиками, которые приходят к тебе в гости? – умоляюще продолжала Александра.

Мэри Эллен нахмурилась, пытаясь выказать тонкий ум, в существовании которого не сомневалась подруга.

– Ну... – медленно протянула она, – я давно заметила, что мальчики любят говорить о себе и о том, что их интересует. Все, что нужно, – задать подходящий к случаю вопрос, и парень сам заговорит тебя до полусмерти.

Александра в панике воздела руки:

– Но откуда мне знать, что его интересует, и потом, он не мальчик, а взрослый мужчина!

– Верно, – кивнула Мэри Эллен, – но мама часто повторяет, что все мужчины, включая моего папочку, в душе остаются мальчишками. Поэтому делай, как я сказала, – просто спроси о том, что его интересует.

– Но мне неизвестно, что его интересует, – вздохнула Александра.

Мэри Эллен погрузилась в молчание, мучительно обдумывая возникшую проблему.

– Нашла! Его, конечно, волнует все то, о чем так часто разглагольствует отец! Спроси о...

– О чем? – вырвалось у Александры. Она даже подалась вперед, чтобы лучше слышать.

Но Мэри Эллен казалась глубоко задумавшейся. Неожиданно она громко прищелкнула пальцами и расплылась в улыбке.

– Насчет жуков! Спроси, как обстоят дела с урожаем в его поместье и не одолевают ли жуки молодые посевы. Поверь, человек, в имени которого такие обширные поля, ни о чем другом просто говорить не может!

Александра нерешительно наморщила лоб и с сомнением покачала головой.

– Насекомые – не очень приятная тема.

– О, мужчины совершенно равнодушны к приятным темам. То есть если станешь описывать им шляпку, которую видела в витрине лавки, они просто увянут на глазах. А уж если осмелишься обсудить платье, которое собираешься сшить, они скорее всего заснут от скуки!

Александра жадно внимала словам подруги.

– И ни при каких условиях, – сурово велела Мэри Эллен, – не распространяйся о своем лысом старом Сократе и дурацком Платоне. Мужчины презирают слишком умных женщин. А кроме того, Алекс, тебе нужно научиться флиртовать.

Александра поморщилась, но, зная по опыту, что спорить не имеет смысла, промолчала. Мальчики и молодые люди всех возрастов так и липли к Мэри Эллен и навевались в дом О'Тулов в надежде перекинуться с ней хоть словечком, поэтому от советов подруги вряд ли стоило отмахиваться.

– Прекрасно, – нерешительно пробормотала Александра, – и что я должна делать?

– Хотя бы строить глазки. У тебя такие красивые глаза.

– Как это – строить?

– Не отрываясь смотреть на герцога и кокетливо взмахивать ресницами, чтобы показать, как они длинны.

Александра попробовала моргнуть несколько раз кряду и, смеясь, повалилась на подушки.

– Господи, я буду выглядеть настоящей дурочкой!

– Ошибаешься, мужчины любят подобные вещи.

Александра, сразу став серьезной, задумчиво уставилась на подругу:

– Ты уверена?

– Абсолютно. И вот еще что: мужчины обожают, когда ими восхищаются... особенно если со вздохом уверяешь, что в жизни не видела человека сильнее, умнее, отважнее и тому подобное. Ты говорила герцогу, что любишь его?

Молчание.

– Говорила?

– Конечно, нет!

– Скажи! И он ответит, что тоже любит тебя!

– Правда?

– Несомненно!

Глава 7

– Повторяю вам, что не собираюсь это терпеть! – взорвалась Александра, гневно краснея и окидывая мрачным взглядом портних, вот уже три дня и три ночи снимавших мерки, кроивших ткани всех цветов радуги, разбросанные по комнате и вот-вот готовые превратиться в дневные и вечерние туалеты, амазонки и пеньюары. Девушка чувствовала себя портновским манекеном, единственное назначение которого – выстаивать без отдыха часами и позволять тыкать в себя булавки и вертеть во все стороны, пока герцогиня подвергала каждое платье внимательному осмотру, нещадно критикуя любое движение и жест Александры.

Все это время она постоянно просила разрешения поговорить с будущим мужем, но Рамзи с каменным лицом неизменно уведомлял ее, что у «его светлости неотложные дела». Иногда девушке удавалось увидеть Джордана в библиотеке, занятого беседой с незнакомыми джентльменами. Им с Мэри Эллен приносили еду в спальню, а герцог явно предпочитал более интересное общество бабки. Похоже, он просто не желал обременять себя видом Александры.

Девушка с каждой минутой становилась все более усталой, раздражительной и – к собственному ужасу – испуганной. Мать с дядюшкой Монти были все равно что навеки для нее потеряны. Хотя они, вероятно, жили в гостинице всего в нескольких милях отсюда, посещать Роузмид им было запрещено. Будущая жизнь представлялась ей глубокой темной пропастью, где ее лишат права встречаться с родными, подругами и даже престарелыми слугами, бывшими ее друзьями с самого детства.

– Да это просто жалкий фарс! – сообщила Александра Мэри Эллен, в бессильной ярости топая ногой и награждая уничтожающим взглядом швею, только что закончившую подравнивать подол ее лимонно-желтого муслинового платья.

– Постойте хоть минуту спокойно, юная леди, и прекратите устраивать спектакль! – ледяным тоном велела герцогиня, входя в комнату. Все это время она не сказала Александре ни одного доброго слова, если не считать того, что постоянно критиковала, наставляла, приказывала или поучала.

– Спектакль?! – взорвалась девушка, чувствуя, как ярость, живая, горячая, долгожданная, вырывается наружу буйной волной. – Если вы считаете это театральным представлением, подождите, пока не выслушаете все, что я должна сказать!

Герцогиня повернулась, словно намереваясь покинуть комнату, и этот величественный жест оказался последней каплей – терпение девушки лопнуло.

– Я прошу вас задержаться на минуту, мадам, и позволить мне договорить.

Герцогиня молча подняла тонкие брови. Невероятное высокомерие этой застывшей фигуры так обозлило Александру, что голос ее задрожал.

– Будьте добры передать своему невидимому внуку, что ни о какой свадьбе не может быть и речи, а если он все-таки предпочтет появиться, пошлите его ко мне, я сама попытаюсь все ему объяснить!

Боясь, что сейчас зальется слезами, над которыми старуха лишь поиздевается, она выбежала из комнаты на балкон и спустилась вниз.

– Что мне сказать его светлости, – спросил дворецкий, открывая ей дверь, – если он осведомится о вашем местопребывании?

Девушка, на миг остановившись, взглянула ему в глаза и не задумалась передразнить его изысканную речь:

– Сообщите ему, что у меня неотложные дела!

Целый час она бродила по розарию, и за это время истерика улеглась, превратившись в стальную решимость. Девушка раздраженно сорвала прелестный бутон, поднесла к носу, вдыхая нежный аромат, и стала рассеянно обрывать лепестки, занятая невеселыми мыслями. Неж-

ные розовые хлопья медленно скользили по юбке и падали на землю, присоединяясь к белым, красным и желтым, которые до этого уже успела уничтожить Алекс.

– Судя по тому, что сказал Рамзи, вы, кажется, чем-то недовольны? – раздался за спиной глубокий невозмутимый баритон.

Александра в полном изумлении повернулась, но облегчение от того, что она наконец может поговорить с Джорданом, мгновенно сменилось нарастающей паникой, которую она безуспешно старалась подавить все эти дни.

– Я недовольна *всем*.

Его веселый взгляд скользнул по горе розовых лепестков.

– Включая розы, вероятно, – заметил Джордан, чувствуя некоторую вину из-за того, что совершенно игнорировал ее последнее время.

Александра проследила за его взглядом, побагровела от смущения и с некоторым раздражением пробормотала:

– Розы прекрасны, но...

– ...но вам не понравилось, как они выглядят, если все лепестки на месте, не так ли?

Сообразив, что ее втягивают в бессмысленный разговор о цветах, когда на карту поставлена вся жизнь, Александра выпрямилась и, не повышая голоса, твердо объявила:

– Ваша светлость, я не собираюсь выходить за вас замуж.

Джордан сунул руки в карманы и с легким любопытством уставился на девушку.

– В самом деле? Почему же?

Пытаясь собраться с мыслями, Александра дрожащей рукой пригладила темные локоны, и Джордан, невольно отметив бессознательную грацию этого жеста, впервые присмотрелся к ней. Солнечное сияние зажгло ее волосы, играя в них золотистыми отблесками, и превратило ее глаза в ошеломляюще прекрасные бирюзовые озера. Желтое платье красиво оттеняло сливочно-белую кожу и нежный румянец.

– Не будете ли вы так добры, – страдальчески попросила Александра, – перестать смотреть так непристойно-оценивающе, будто хотите разобрать меня по косточкам и обнаружить все мои недостатки!

– Неужели я способен на такое? – рассеянно осведомился Джордан, только сейчас заметивший высокие, красиво вылепленные скулы и нежные губы. Глядя на это необычайно притягательное точеное лицо с разлетающимися, словно крылья птицы, бровями и длинными черными пушистыми ресницами, он был не в силах поверить, что когда-то принимал ее за мальчика.

– Вы пытаетесь стать моим Пигмалионом⁴, и мне это не нравится.

– Кем? – встрепнулся Джордан, мгновенно вернувшись к действительности.

– Это из греческой мифологии. Пигмалион был...

– Я знаю, кем он был; просто удивлен, что женщина может увлекаться классической литературой.

– Наверное, у вас просто мало опыта в общении с противоположным полом, – удивилась Александра. – Мой дедушка утверждал, что женщины по большей части так же умны, как и мужчины.

И, заметив, как смешливо блеснули глаза герцога, ошибочно предположила, что его позабавило суждение о женском уме, а не замечание насчет неопытности в общении с дамами.

– Пожалуйста, прекратите обращаться со мной как с пустоголовой куклой! Все в вашем доме, кажется, именно так и считают – даже слуги едва цедят слова сквозь зубы!

⁴ Древнегреческий скульптор, своей любовью ожививший статую.

– Я велю дворецкому заткнуть уши ватой и притвориться глухим, – насмешливо пробормотал Джордан, – и прикажу лакеям надеть шоры. Надеюсь, тогда вы почувствуете себя как дома?

– Может быть, вы все-таки попробуете принять меня всерьез?! – повелительно потребовала девушка.

Джордан мгновенно нахмурился.

– Я собираюсь жениться на вас, – холодно заметил он. – Что может быть серьезнее?

Теперь, когда Александра объявила о том, что не желает выходить замуж, острая боль в сердце, вызванная принятым решением, немного смягчилась от сознания, что она больше не чувствует себя запуганной и неловкой в его присутствии.

– Вы сами, – произнесла она с обворожительной улыбкой, – тотчас мрачнеете, стоит мне лишь произнести слово «женитьба».

Джордан ничего не ответил, и девушка дружески коснулась его рукава, пристально глядя в непроницаемые серые глаза, и впервые заметила цинизм, таившийся в их глубине.

– Я не хочу вмешиваться в чужие дела, ваша светлость, но вы счастливы... я имею в виду, довольны жизнью?

– Не особенно, – раздраженно поморщился Джордан.

– Вот видите! Между нами не может быть ничего общего! Вы разочарованы в жизни, а я нет.

Спокойная внутренняя убежденность, неукротимая воля, которые распознал Джордан в ночь их первой встречи, сейчас звенели в мелодичном голосе. Александра подняла глаза к голубому небу, всем своим существом излучая оптимизм, невинность и надежду.

– Я люблю жизнь и, даже когда случается беда, все равно не унываю.

Джордан зачарованно воззрился на девушку, словно сошедшую с картины и стоявшую на фоне переливающихся всеми красками роз и отдаленных зеленых холмов, – языческую принцессу, самозабвенно обращавшуюся к небесам.

– Каждое время года таит обещание чего-то неведомого, необыкновенного, чудесного, что обязательно должно произойти со мной в один прекрасный день. Это чувство все крепнет, с тех пор как умер дедушка... Будто он просит меня ждать и верить. Зимой это обещание сбывается с первым снегом, летом я слышу его в раскатах грома и вижу в разрядах молний, пронизывающих тучи. Но яснее всего я ощущаю это предвестие счастья весной, когда все вокруг черное и зеленое...

Ее голос замер, и Джордан непонимающе повторил:

– Черное?

– Да, черное, как, например, мокрые стволы деревьев, только что вспаханные поля, пахнущие... – Она вдохнула, пытаясь припомнить, чем пахнут поля.

– Грязью, – прозаически подсказал Джордан.

Алекс тяжело вздохнула:

– Все-таки вы считаете меня глупенькой. – Резко выпрямившись и презрев мучительное желание снова прикоснуться к нему, девушка со спокойным достоинством добавила: – Вероятно, мы не можем пожениться.

Темные брови Джордана недоверчиво сошлись.

– Вы утверждаете это лишь потому, что я не думаю, будто мокрая грязь благоухает, как духи?

– Вы так ничего и не поняли! – с отчаянием воскликнула Александра. – Беда в том, что, если я стану вашей женой, вы сделаете меня такой же несчастной, как сами, а я в ответ постараюсь отомстить, превратив вашу жизнь в ад, и через несколько лет мы оба превратимся в подобие вашей бабушки. Попробуйте только рассмеяться, – предостерегла она, видя, что губы герцога подозрительно дернулись.

Взяв девушку за руку, Джордан направился с ней по выложенной камнями дорожке, разделявшей клумбы с розами и ведущей к беседке, окруженной деревьями, на которых уже распустилась весенняя листва.

– Вы забыли принять в расчет один весьма важный факт: с той минуты, как я внес вас в гостиницу, наша жизнь необратимо изменилась. Даже если бы ваша мать никогда не посмела привести угрозу в исполнение и нам не пришлось пройти через мерзость публичного процесса, ваша репутация навсегда уничтожена.

Остановившись у входа в беседку, он прислонился к стволу дуба и бесстрастно, почти безразлично заметил:

– Боюсь, что у вас нет иного выбора, кроме как оказать мне честь стать моей женой.

Александра хмыкнула, забавляясь его неизменно вежливыми официальными манерами, даже сейчас, когда она категорически отказывалась выйти за него замуж.

– Женидьба на простой девушке из Моршема вряд ли может считаться *честью* для герцога, – напомнила она ему с безыскусной прямоотой. – Почему вы вечно говорите подобные вещи?

Джордан невольно улыбнулся искрящейся заразительным весельем Алекс.

– Привычка, – признался он.

Александра склонила голову набок – очаровательная живая девушка, обладающая немалым умом и мужеством, чтобы не побояться вступить с ним в спор.

– Неужели вы никогда не бываете искренни, не высказываете все, что чувствуете на самом деле?

– Редко.

Алекс проникательно кивнула:

– Очевидно, искренность – неотъемлемая привилегия тех, кого ваша бабушка презрительно именуется «низшим классом». Господи, ну почему у вас вечно такой вид, словно вы вот-вот рассмеетесь надо мной?

– По какой-то совершенно непонятной причине, – весело протянул Джордан, – вы мне нравитесь.

– Это очень мило, но не является достаточным основанием для свадьбы, – запротестовала Александра, возвращаясь к первоначальной теме. – Есть другие, куда более важные вещи...

Она с ужасом осеклась.

«Такие, как *любовь*», – подумала девушка. Только любовь важна. Одна любовь.

– А именно?

Не в состоянии произнести страшное слово, Александра поспешно отвела глаза и уклончиво пожала плечами.

«Любовь», – договорил про себя Джордан и устало вздохнул, страстно желая вернуться к прерванному совещанию с управляющим бабушки. Александра жаждет любви и романтики. Он совершенно забыл, что даже невинные, воспитанные в провинциальной глуши девушки ее нежных лет, несомненно, ожидают проявления хоть какого-то пыла от жениха. Решительно не желая по-прежнему стоять здесь подобно влюбленному глупцу, пытаться уговорить ее выйти за него замуж и бормотать нежные слова, в которые он сам не верит, Джордан подумал, что поцелуй будет самым коротким и наиболее действенным способом выполнить долг и развеять ее опасения, а также поскорее вернуться к оставленным делам.

Алекс нервно подпрыгнула, когда его ладони неожиданно сжали ее лицо, вынуждая девушку резко вскинуть голову.

– Взгляни на меня, – велел он тихим незнакомым голосом, от которого по спине Алекс побежали колкие мурашки тревожного возбуждения.

Девушка с трудом оторвала взгляд от его загорелого лица. Хотя ни один мужчина до этого не пытался соблазнить ее или поцеловать, стоило ей заметить странно-дремотное выражение в

глазах, полуприкрытых тяжелыми веками, как она поняла: сейчас что-то произойдет. Длинные пальцы чувственно погладили ее щеку, и герцог улыбнулся – медленной, ленивой улыбкой, от которой подпрыгнуло и забилося сердце.

– Я хочу поцеловать вас.

И без того воспаленное воображение Александры немедленно разыгралось при воспоминании о прочитанных романах. Получив поцелуй от мужчин, которых героини тайно любили, они либо падали в обморок, либо расставались с добродетелью, либо разражались клятвами в вечной любви. Перепугавшись, что волей-неволей придется выглядеть такой же дурочкой, Александра зажмурилась и затрясла головой.

– Это совершенно ни к чему, – прохрипела она. – Я... Вам не стоит этого делать! Не сейчас. Очень мило с вашей стороны предложить, но не сейчас. Возможно, в другой раз, когда я...

Не обращая внимания на протесты и в который раз безуспешно пытаясь скрыть, как забавляется ее смущением, Джордан приподнял маленький подбородок девушки и закрыл глаза. Александра, наоборот, широко распахнула бездонные очи, готовая принять его пылкую страсть. Он легко коснулся ее губ своими. И все закончилось.

Джордан открыл глаза, чтобы увидеть ее реакцию. Отнюдь не та, что можно ожидать от наивной девочки. Во взгляде Александры застыло недоумение и... да-да, разочарование!

Сообразив, что умудрилась не показаться круглой дурочкой, подобно героиням романов, Александра с облегчением вздохнула и сморщила маленький носик.

– Именно это и считается поцелуем? – осведомилась она у аристократа, чьи жгучие ласки заставляли девственниц презреть свою невинность, а замужних женщин – забыть о супружеских обетах.

Несколько мгновений Джордан не шевелился, изучая девушку прищуренными пронзительными глазами. И неожиданно Александра заметила, как в их глубине зажглось нечто тревожащее.

– Нет, – пробормотал он, – гораздо больше. – И, стиснув ее запястья, привлек к себе так близко, что крошечные холмики почти коснулись его груди.

Однако его совесть, которая, по предположению Джордана, давным-давно почилла в бозе, выбрала именно этот неподходящий момент, чтобы напомнить о себе после долгих лет молчания.

«Ты соблазняешь ребенка, Хоторн! – с отвращением предостерегла она. Джордан поколебался, более удивленный неожиданным воскрешением давно забытого внутреннего голоса, нежели сознанием собственной вины. – Ты намеренно совращаешь доверчивое дитя, заставляя его покориться, потому что не желаешь тратить время на уговоры».

– О чем вы сейчас думаете? – настороженно спросила Александра.

Герцог попытался было уклониться от ответа, но, вспомнив, как она ненавидит вежливые отговорки, решил сказать правду.

– О том, что я совершаю непростительный поступок, соблазняя ребенка.

Александра, чувствуя скорее облегчение, чем разочарование по поводу того, что его поцелуй не произвел на нее ни малейшего воздействия, рассыпалась звонким смехом.

– Меня? – удивилась она и покачала головой, так что непокорные локоны разметались в очаровательном беспорядке. – О нет, из-за *этого* вы можете не волноваться! Как выяснилось, я сделана совсем из другого теста, чем большая часть женщин, которые от поцелуя теряют сознание или забывают о добродетели. Я думала, – чистосердечно призналась она, – что это будет поистине ужасно, но заверяю, на самом деле все очень... мило.

– Благодарю вас, – с невозмутимым видом ответил Джордан. – Вы очень добры. – И, решительно взяв девушку под руку, повернулся и повел ее в беседку.

– Куда мы идем? – без особенного интереса осведомилась Александра.

– Туда, где нас не будет видно из окон дома, – сухо объяснил Джордан, останавливаясь под низко нависшей веткой цветущей яблони. – Целомудренные поцелуи помолвленной парочки вполне позволительны в розарии, однако более страстные ласки уместны в уединении беседки.

Девушка, введенная в заблуждение наставлением, изложенным к тому же весьма деловитым тоном, не сразу осознала истинное значение услышанного.

– У аристократов на все есть правила! Неужели все это можно найти в книгах? – Но не успел Джордан ответить, как Александра ахнула: – С-страстный поцелуй?! Н-но зачем?!

Джордан посмотрел на вход в беседку, желая убедиться, что им не помешают, и обратил всю чарующую силу серебристого взгляда и ленивой улыбки на стоящую перед ним девушку.

– Во всем виновато мое тщеславие, – тихо пошутил он, – никак не могу смириться с тем, что вы едва не задремали прямо посреди поцелуя! Ну а теперь посмотрим, смогу ли я пробудить вас.

И во второй раз за последние несколько минут так долго спящая совесть Джордана взбунтовалась.

«Ублюдок несчастный, что ты творишь!»

Но на этот раз герцог ни секунды не колебался. Он уже точно знал, что делает.

– Нужно сказать, – объявил он, ободряюще улыбаясь и сопровождая свои слова наглядной демонстрацией, – женщина должна отвечать на поцелуй. Смотрите: я кладу руки вам на плечи и привлекаю к себе.

Недоумевая, почему такая простая вещь, как поцелуй, требует стольких церемоний, Александра невольно опустила глаза на сильные длинные пальцы, осторожно сжавшие ее плечи, на безукоризненно белую тонкую сорочку, прежде чем смущенно взглянуть на Джордана.

– А куда девать мои руки?

Джордан с трудом подавил взрыв смеха, а вместе с ним и многозначительный ответ, так и просившийся на язык.

– А куда бы вы хотели их девать? – поинтересовался он.

– В карманы? – с надеждой предположила Александра.

Джордан, на уме у которого было теперь не столько обольщение, сколько стремление не выказать неуместное веселье, тем не менее был вынужден продолжить.

– Я имел в виду, – мягко пояснил он, – что нет ничего плохого в том, если вы меня коснетесь.

«Не хочу!» – с ужасом подумала она.

«Захочешь», – так же молчаливо пообещал он, верно истолковав мятежное выражение овального личика и ухмыляясь про себя. Приподняв ее подбородок, он окунулся в эти широко распахнутые светящиеся озера, и в груди у него расцвела неизведанная доселе нежность – чувство такое же новое для него, как и голос совести... Доныне, пока не встретил это неиспорченное, непредсказуемое, безыскусное, простодушное дитя. На мгновение вообразив, что смотрит в глаза ангела, Джордан с неосознанным почтением дотронулся до ее гладкой щеки.

– Знаете ли вы, – тихо пробормотал он, – сколько в вас очарования и прелести?

Эти вкрадчивые слова вместе с прикосновением кончиков пальцев к щеке и глубоким, бархатистым тембром голоса произвели на Александру такое же неотразимое впечатление, как и предвкушение будущего поцелуя. Девушке показалось, что внутри у нее все словно тает и плавится. Она не могла отвести глаз от его гипнотического взгляда... и не хотела пытаться. Сама не понимая, что делает, Алекс подняла дрожащие пальцы к его лицу, коснувшись щеки точно так же, как перед этим сделал он.

– Мне кажется, – прошептала она, – что вы прекрасны.

– Александра...

Это единственное сорвавшееся с его губ слово было наполнено такой мучительной нежностью, что девушка не смогла сдержать то, что таилось в душе. Не ведая, что творят с Джорданом робкая ласка и светящиеся чистосердечием бирюзовые глаза, она продолжала по-прежнему едва слышно:

– По-моему, вы так же прекрасны, как «Давид» Микеланджело...

– Не нужно, – из последних сил выдохнул он, припадая к ее губам в поцелуе, не имеющем ничего общего с первым, – испуганным и обжигающим, пылком и безумном. Сильная рука поддерживала ее голову, пальцы ласкали чувствительную кожу; другая рука обняла ее талию, прижимая все теснее.

Погруженная в море восхитительных ощущений, Александра затрепетала. Ее руки скользнули по мускулистой груди Джордана, обвили его шею. Девушка, сама того не сознавая, льнула к нему, боясь упасть, и, когда эта гибкая, стройная фигурка прильнула к нему, произошло невероятное – искуситель превратился в соблазняемого. Желание взорвалось в Джордане, как только девочка в его объятиях стала неотразимой, манящей женщиной. Его губы неотрывно двигались с голодной настойчивостью, сминая ее – неопытные и неумелые. Александра, сотрясаемая мощными приливами безумного наслаждения, по-прежнему цеплялась за него, запустив пальцы в жесткие темные волосы, достигавшие воротничка, но Джордан продолжал долго, томительно целовать ее и наконец коснулся языком дрожащих губ, безмолвно уговаривая приоткрыть их.

Александра тихо застонала, то ли от страха, то ли от желания, но этот робкий звук проник в затуманенное сознание Джордана и тотчас отрезвил его. Снова сжав тоненькую талию, он неохотно поднял голову, глядя в прелестное, потрясенное юное личико, не в силах поверить той страсти, которую Алекс сумела в нем пробудить.

Опьяненная любовью и желанием, девушка ощутила под ладонью тяжелые удары сердца, уперлась взглядом в чувственный рот, всего минуту назад так яростно овладевший ее несопротивляющимися губами, и затем посмотрела в пылающие серые глаза.

И поняла.

Вот оно. *Нечто чудесное*. Свершилось. Этот великолепный, загадочный, утонченный, умный человек и есть обещанный дар судьбы. И ей позволено любить его!

Храбро отбросив мучительные воспоминания о том, как относился к ней когда-то такой же красивый, загадочный, утонченный человек, ее отец, Александра приняла этот дар со смиренной благодарностью своего преданного сердечка. Не замечая, что к Джордану вновь вернулся рассудок и страсть сменилась раздражением, Александра, просяив бездонными очами, спокойно, даже невыразительно, без стыда и притворного смущения негромко сказала:

– Я люблю вас.

Джордан ожидал чего-то подобного.

– Спасибо, – откликнулся он, пытаясь выдать ее слова скорее за обычный комплимент, чем за нежелательное признание, которого он не хотел слышать. Трудно представить, насколько она невероятно, обезоруживающе романтична! И к тому же не понимает, что испытывает всего-навсего вожделение. Ничего больше. Такого чувства, как любовь, не существует – есть лишь различные степени сладострастия или желания, которые именуют любовью начитавшиеся дурацких романов дамы и глупые мужчины.

Он должен немедленно покончить с ее детским увлечением, откровенно объяснив, что не может ответить ей тем же и вовсе не требует от нее столь пылких чувств. Однако проклятая совесть не позволила ранить девочку. Даже он, закоренелый циник, не был настолько жесток, чтобы намеренно причинить боль ребенку, глядевшему на него со щенячьим обожанием.

Алекс действительно так напомнила ему щенка, что Джордан машинально взъерошил ее густые шелковистые волосы и с шутилой торжественностью объявил:

– Вы избалуете меня чрезмерной лестью.

Снова погладив ее по голове, он шагнул к выходу, торопясь вернуться к работе.

– Сегодня мне нужно срочно проверить счетные книги бабушки, – резко бросил он. – Увидимся утром.

Александра кивнула и осталась стоять, глядя вслед широко шагавшему Джордану. Утром она станет его женой. Когда Алекс сказала ему, что любит, Джордан отнесся к этому совсем не так, как она ожидала, но это не важно. В ее сердце кипит любовь, которой хватило бы на двоих.

– Алекс! – В беседку ворвалась сгорающая от любопытства Мэри Эллен. – Я все это время не отходила от окна! Вы так долго пробыли здесь! Он поцеловал тебя?

Александра рухнула на белую скамью с витыми железными ножками.

– Да...

Мэри Эллен тотчас уселась рядом.

– И ты сказала ему, что любишь?

– Да.

– Что он сделал? – жадно допытывалась девушка. – Что сказал?

Александра с печальной улыбкой пожала плечами.

– Поблагодарил меня.

* * *

В камине весело плясал огонь, прогоняя прохладу весенней ночи и отбрасывая тени, причудливо изгибающиеся и мелькающие на стенах, словно эльфы на осеннем празднике. Александра, обложенная подушками, сидела на гигантской кровати и задумчиво наблюдала за игрой света. На завтра назначено венчание. Неужели время пролетело так быстро?

Девушка подтянула колени к подбородку и обняла их руками, не сводя глаз с огня. Несмотря на ошеломляющее открытие, что она влюблена в своего будущего мужа, Алекс была, однако, не настолько глупа, чтобы считать, будто понимает его, и не столь наивна, чтобы верить, будто она одна знает, как сделать его счастливым.

Александра не сомневалась только в одном: она хочет дать ему счастье и когда-нибудь обязательно осуществит свою мечту. Она чувствовала тяжкий груз этой новой ответственности и горячо жалела, что почти не имеет понятия, каково это – быть женой одного из самых знатных людей королевства. И вообще ее знания о семейной жизни были крайне ограничены. Отец казался очаровательным, элегантным, страстно ожидаемым незнакомцем, которого всегда встречали с пылким обожанием жена и дочь и чьи редкие визиты считались огромным событием.

Девушка с мимолетной горечью вспомнила, как они с матерью всегда носились с ним, ловили каждое слово, словно оно исходило из уст Господа. Какими же унылыми, доверчивыми провинциалками казались они с матерью! Как он, должно быть, смеялся над их благоговейной любовью!

Александра, тряхнув головой, решительно прогнала неприятные мысли и попыталась думать о собственном будущем. Она была совершенно уверена, что герцогу не понравится слепое почитание, которое мать неизменно выказывала отцу. Его светлость, кажется, предпочитает, чтобы она не скрывала своего мнения, каким бы возмутительным или вызывающим оно ни было. Иногда ей даже удавалось рассмешить его. Но как прожить с ним до конца жизни?

До сих пор единственными семейными парами, которые ей доводилось наблюдать, были деревенские жители, причем жена обычно стряпала, шила и стирала. Ей почему-то ужасно захотелось точно так же заботиться о герцоге, хотя Алекс понимала, насколько глупо-сентиментальными были эти фантазии. В доме полно слуг, предугадывающих любые желания хозяев и со всех ног бросающихся исполнять их.

Громко вздохнув, Александра решила смириться с тем, что герцог Хоторн не нуждается в той заботе и внимании, какие деревенские женщины уделяют своим мужьям. Но в непокорном воображении тут же всплыло видение: вот она сидит напротив мужа у очага, ловко зашивая рукав белоснежной сорочки. Девушка мечтательно представила выражение благодарности и удовольствия на безупречно красивом лице герцога, созерцавшего, как жена штопает рубашку. Он будет так горд...

Но тут Алекс тихо захихикала. Ведь она совершенно не умеет управляться с иглой! Если она не уколет палец и не зальет кровью белый батист, значит, наверняка наглухо зашьет рукав или сотворит что-нибудь столь же ужасное. Картина безмятежного супружеского счастья поблекла, и Александра свела брови. Интуиция подсказывала ей, что герцог – человек крайне сложный, и она мгновенно возненавидела собственную юношескую неопытность. С другой стороны, Алекс нельзя назвать легкомысленной, несмотря на то что его светлость, кажется, предпочитает считать ее милым ребенком. Но при необходимости Александра становилась воплощением здравого смысла и практичности. Разве не она с четырнадцати лет вела хозяйство?!

И вот теперь перед ней новое нелегкое испытание. Алекс должна стать достойной женой герцога Хоторна. За эти несколько дней его бабушка успела сделать сотню критических замечаний относительно манер и поведения Александры, и хотя девушку выводила из себя чрезмерная приверженность вдовствующей герцогини к условностям и этикету, она все же твердо решила учиться всему, что необходимо знать. Нужно постараться, чтобы у мужа никогда не было причин стыдиться ее.

«Мой муж», – подумала она, зарываясь в одеяла. Этот красавец великан, элегантный аристократ будет ее мужем...

Глава 8

На следующее утро Энтони, развалившись во внушительном мягком кресле, изучал кузена со смесью восхищения и недоверия.

– Хок, – хмыкнул он, – клянусь, все, что говорят о тебе, – чистая правда: у тебя совершенно нет нервов! Сегодня день твоей свадьбы, а я волнуюсь куда больше твоего!

Уже одетый в белую сорочку с жабо, черные брюки и жилет из серебряной парчи, Джордан спокойно приказывал что-то управляющему поместья и при этом мерил шагами комнату, одновременно просматривая очередной отчет, присланный его поверенным. За ним упорно семенил верный камердинер, разглаживая крошечные морщинки на сорочке хозяина и смахивая воображаемые пылинки со штанин.

– Да постой же ты смирно, Джордан, – попросил Энтони, сочувственно улыбаясь слуге. – Бедняга Мэтисон сейчас упадет от усталости.

– Хм-м? – Джордан, на миг остановившись, вопросительно взглянул на кузена, и доблестный лакей, немедленно воспользовавшись шансом, схватил безупречно сшитый черный фрак и поднес хозяину, так что Джордану не оставалось ничего иного, кроме как просунуть руки в рукава.

– Не можешь объяснить, почему ты так чертовски безразличен к собственной женитьбе? Да ты хоть сознаешь, что через четверть часа станешь женатым человеком?

Кивком отпустив управляющего, Джордан отложил отчет, одернул фрак и наконец повернулся к зеркалу, проводя рукой по щеке, чтобы проверить, насколько гладко выбрит.

– Я думаю об этом не как о женитьбе, – сухо пояснил он, – а как об удочерении ребенка.

Энтони по достоинству оценил шутку, и Джордан уже серьезнее продолжал:

– Александра не будет предъявлять никаких требований, и, думаю, свадьба не отразится на привычном течении моей жизни. После остановки в Лондоне и объяснения с Элизой мы отправимся в Портсмут и поплывем вдоль побережья – я хочу проверить, как ведет себя на воде новое пассажирское судно. Ну а когда доберемся до Девона, я просто оставлю там Александру. Ей понравится Девон. Дом так велик, что, несомненно, ошеломит ее. Я буду время от времени наезжать к ней.

– Естественно, – сухо согласился Энтони.

Джордан, не позаботившись ответить, поднял отчет и продолжил его просматривать.

– Твоей обворожительной балерине вряд ли понравится эта новость, Хок, – предупредил Тони.

– Она достаточно рассудительна, – рассеянно возразил Джордан.

– Итак, – процедила герцогиня, вливаясь в комнату в нарядном туалете из коричневого атласа, отделанном кремовым кружевом, – ты в самом деле намерен участвовать в этом фарсе, именуемом женитьбой? И попытаешься ввести эту сельскую девчонку в общество, выдав за молодую леди безупречного происхождения и воспитания?

– Напротив, – резко бросил внук, – я собираюсь поселить ее в Девоне и предоставить остальное вам. Однако не вижу необходимости в спешке. Надеюсь, за год-другой вы сможете наставить ее во всем, что полагается знать, дабы стать настоящей герцогиней Хоторн.

– Да мне и за десять лет не удастся совершить этот подвиг! – отрезала бабка.

До этой минуты Джордан не придавал особенного значения ее язвительным репликам, но на сей раз вдовствующая герцогиня зашла слишком далеко, и в его голосе зазвучали уничтожающие нотки, от которых подчас тряслись в страхе как слуги, так и знакомые.

– Неужели так трудно обучить умную, способную девушку изображать из себя тщеславную пустоголовую дурочку?!

Неукротимая старая леди умудрилась сохранить величавое достоинство, однако при этом изучала непреклонное лицо Джордана с чем-то весьма напоминающим изумление.

– Так вот какими ты видишь женщин своего класса? Тщеславными и пустоголовыми?

– Нет, – коротко ответил внук, – но в возрасте Александры почти все они таковы. Позже они становятся еще куда менее привлекательными.

«Как твоя мать», – подумала она.

«Как моя мать», – подумал он.

– Но далеко не все женщины таковы.

– Возможно, – без особого убеждения и интереса согласился Джордан.

* * *

Прическа и свадебный туалет заняли у Александры и обеих горничных три часа. Сама церемония длилась меньше десяти минут.

Еще час спустя новобрачные остались одни. Александра смущенно сжимала хрустальный бокал с пенящимся шампанским, стоя в центре просторного голубого с золотом салона, и ожидала, пока Джордан наполнит свой.

Несмотря на свою решимость не обращать внимания на стгутившуюся атмосферу напряженности и нереальности происходящего, Алекс не могла отделаться от мрачных мыслей. Мать и дядюшка Монти все-таки появились на свадьбе, но и герцог, и его бабка с трудом выносили их присутствие, хотя дядюшка старался вести себя как можно лучше: добросовестно пытался воздерживаться от изучения тыльной части каждой женщины, присутствующей в комнате, и даже не смотрел на герцогиню. Лорд Энтони Таунсенд и Мэри Эллен тоже присутствовали, но сейчас все уже разъехались по домам.

Окруженная гнетущей элегантностью раззолоченного салона, одетая в великолепный подвенечный наряд матери Джордана цвета слоновой кости, Алекс еще больше, чем всегда, казалась себе незваной гостьей, назойливой выскочкой, посягнувшей на то, что ей не принадлежит. Ощущение, что она вторглась в чужие владения, в мир, где ни ей, ни ее родственникам не уготован радушный прием, почти душило ее.

Странно, что Александра чувствует себя гораздо более неуверенно и неловко именно сейчас, когда на ней надето платье, роскошнее которого она никогда не видела. К тому же в нем она выглядит куда более хорошенькой, чем обычно. Креддок, личная горничная ее светлости, сама одевала девушку этим утром. Под ее неусыпным присмотром непокорные локоны Александры расчесывали до тех пор, пока они не заблестели, а потом уложили короной на голове и закололи изумительными перламутровыми гребнями, в тон жемчужинам в маленьких ушах.

Александра взглянула в огромное зеркало от пола до потолка и замерла от восхищения. Даже Креддок, отступив, объявила, что она действительно «выглядит очень хорошо, учитывая...». Только Джордан, похоже, не обратил на нее внимания. Правда, он ободряюще улыбнулся, когда дядюшка Монти вложил ее пальцы в его ладонь, и этого оказалось достаточно, чтобы на все это время придать ей силы, но теперь они впервые остались с глазу на глаз после свадьбы, и тишину нарушали лишь шаги слуг, тащивших их сундуки в дорожный экипаж, готовый увезти новобрачных в свадебное путешествие.

Не совсем понимая, что ей делать с шампанским, Александра помешкала и, сделав глоток, поставила бокал на изящный резной столик. Повернувшись, она увидела, что Джордан изучает ее так пристально, словно увидел в первый раз. За все утро он ни словом не обмолвился о ее внешности, но сейчас медленно переводил взгляд с короны сверкающих волос к подолу блестящего атласного платья. Поняв, что он вот-вот что-нибудь скажет, она затаила дыхание.

– Ты выше, чем я думал.

Столь неожиданное замечание вместе с искренним недоумением, написанным у него на лице, вызвало у Александры испуганный смешок.

– Вряд ли я за последнюю неделю подросла больше чем на несколько дюймов.

Джордан, рассеянно улыбувшись, задумчиво покачал головой:

– Сначала я принял тебя за мальчишку, причем очень маленького и худенького.

Исполненная решимости отныне вносить только радость и веселье в их отношения, Александра шутливо осведомилась:

– Но теперь, надеюсь, меня сразу можно отличить от мальчика?

Несмотря на твердое намерение относиться к Александре как можно более безразлично, особенно после вчерашнего поцелуя, Джордан, однако, не смог устоять против ее солнечной, чарующей улыбки, мгновенно изгнавшей из сердца уныние и горечь несчастной женитьбы.

– Конечно, ты не мальчик, – улыбулся он в ответ. – И не маленькая девочка. Но и женщиной тебя трудно назвать.

– Самый опасный возраст, ничего не поделаешь, верно? – согласилась она, насмешливо сверкнув глазами.

– Очевидно, – хмыкнул Джордан. – Как бы ты описала молодую леди, которой еще нет восемнадцати?

– Мне уже восемнадцать, – серьезно заметила Александра. – Сегодня мой день рождения.

– Я не знал, – искренне огорчился герцог. – Обязательно куплю тебе подарок во время поездки. Что любят девушки твоих лет?

– Нам не нравится, когда постоянно напоминают о том, сколь неприлично мы юны, – бросив на него многозначительный взгляд, объявила Александра.

В комнате эхом отдался резкий смех Джордана.

– Клянусь Богом, ты находчива и остроумна! Удивительное качество в такой молодой красивой девушке, – поспешно поправился он. – Прошу еще раз извинить меня за то, что подшучивал над твоим возрастом и забыл о подарке.

– Боюсь, что именно вы – мой именинный подарок, хотите этого или нет!

– Весьма изысканный способ выражаться, – усмехнулся он.

Александра посмотрела на часы: прошло минут сорок с тех пор, как Джордан объявил, что они отправляются в путешествие на корабле.

– Мне, пожалуй, надо подняться наверх и переодеться, – робко сказала она.

– А куда ушла бабушка? – поинтересовался Джордан, когда Алекс направилась к выходу.

– Насколько мне известно, легла в постель, вне себя от скорби по поводу вашего неудачного брака, – неловко пошутила Александра и уже серьезнее добавила: – Как по-вашему, она не заболела?

– Вряд ли такая *незначительная* причина способна настолько потрясти ее, – отозвался Джордан с чувством, весьма напоминающим нежность и восхищение. – Леди Хоторн могла бы в одиночку вызвать на бой всю армию Наполеона и выйти победительницей. И тогда поверженный император взбивал бы ей подушки и умолял о прощении за плохие манеры и за то, что посмел объявить нам войну. Поверь мне, такие пустяки, как сегодняшнее событие, не сведут ее в могилу. И теперь, когда ты носишь мое имя, она разделается с каждым, кто посмеет сказать хоть слово против тебя.

* * *

Полчаса спустя, одетая в дорожный костюм цвета спелой вишни, Александра ступила в сверкающий черным лаком экипаж с серебряным гербом герцогов Хоторнов на дверце и уселась на роскошные сиденья, покрытые серым бархатом. Кучер поднял подножку, захлопнул

дверцу и взмахнул кнутом. Четверка гнедых понесла карету по длинной подъездной аллее. Следом поскакали шестеро ливрейных лакеев.

Александра огляделась, восхищаясь тяжелыми серебряными ручками и хрустальными лампами на серебряных подставках. Наслаждаясь неожиданным комфортом просторной кареты, она пыталась уверить себя, что на самом деле замужем и отправляется в свадебное путешествие. Джордан, устроившийся напротив, вытянул ноги и погрузился в ничем не нарушаемое молчание.

Он тоже переоделся, и Алекс восхитилась тем, как красиво облегают светло-коричневые брюки его длинные мускулистые ноги. Ворот кремовой сорочки был распахнут, обнажая загорелую шею, а редингот цвета кофе прекрасно подчеркивал ширину плеч. Алекс про себя взмолилась Богу, чтобы Джордан когда-нибудь посмотрел на нее с таким же восхищением, как она на него, но тут же решила, что ее обязанность – вести вежливую беседу.

– Подвенечный наряд вашей матери очень красив, – тихо сказала она. – Я беспокоилась, что случайно испорчу его, но, к счастью, все обошлось.

Джордан мельком взглянул на нее.

– Не стоило волноваться, – сухо заметил он. – Уверен, что ты куда более достойна этого символа девичьей чистоты, чем моя мать, когда его надевала.

– Вот как? – пробормотала Алекс, сознавая, что ее только сейчас наградили комплиментом, правда, в такой форме, что простое «спасибо» было бы крайне неуместно.

Видя, что Джордан не делает дальнейших попыток к разговору, Александра почувствовала, что муж старается разрешить какую-то нелегкую проблему, и решила не докучать ему, а вместо этого стала с удовольствием разглядывать проплывающие за окном живописные пейзажи.

В три часа они наконец остановились пообедать в большой гостинице, увитой плющом и огороженной аккуратной побеленной изгородью.

Очевидно, одного из сопровождающих выслали вперед, поскольку хозяин с женой встретили их на крыльце и провели через общие комнаты в уютную маленькую столовую, где уже был накрыт стол.

– Ты, кажется, проголодалась, – заметил Александре муж, когда та отложила нож и вилку и с облегчением вздохнула.

– Ужасно, – кивнула Алекс. – Мой желудок еще не привык к жизни в Роузмиде. В десять часов, когда вы ужинаете, я обычно уже лежу в постели.

– Мы остановимся на ночлег в восемь часов, так что на сей раз тебе не придется ждать ужина слишком долго, – вежливо пообещал Джордан.

Видя, что он не торопится допить вино, Алекс робко спросила:

– Не возражаете, если я подожду вас во дворе? Мне бы хотелось немного пройтись, прежде чем снова садиться в карету.

– Прекрасно. Я вскоре присоединюсь к тебе.

Девушка вышла на крыльцо, наслаждаясь теплыми солнечными лучами под пристальным взглядом кучера Джордана. Во двор въехали еще две кареты, дорогие и изящные, но далеко не столь великолепные, как чудесный дорожный экипаж ее мужа. Конюхи подбежали, чтобы взять под уздцы лошадей, и несколько минут Александра с удовольствием наблюдала за необычным зрелищем.

Лошадей Джордана уже запрягли, когда девушка заметила мальчишку, скорчившегося в углу ограды и оживленно болтающего непонятно с кем. Охваченная любопытством, Алекс подошла ближе и улыбнулась, увидев резвившихся прямо на земле пушистых маленьких щенят.

– Какие милые! – воскликнула она. Щенята были коричневые, а головы и передние лапы – белые.

– Не хотите купить одного? – тут же спросил мальчик. – Я позволю вам выбрать лучшего из всего помета! Это не дворняжки!

– Правда? И какой же они породы? – поинтересовалась Александра, восторженно смеясь, когда самый маленький клубочек подкатился к ней и, уцепившись крохотными зубками за подол платья, стал увлеченно его тянуть.

– Лучшие английские пастушьи овчарки! – гордо объявил мальчик, когда Алекс наклонилась, чтобы оторвать щенка от подола. – И такие умные!

Стоило девушке коснуться шелковистой шерстки, как она почувствовала, что щенок покорила ее сердце. Когда-то у нее была колли, но после кончины отца еды и без того не хватало, и Алекс отдала собаку брату Мэри Эллен.

Подхватив щенка на руки, она поднесла его ближе к глазам. Короткие лапки болтались в воздухе, пока их обладатель жадно лизал ее руку. Алекс все еще держала щеночка, обсуждая его достоинства с не менее воодушевленным владельцем, когда за спиной раздался голос мужа:

– Пора ехать.

Алекс в голову не пришло просить Джордана позволить взять щенка, но в больших глазах и мягкой улыбке было столько бессознательной мольбы!

– В детстве у меня была колли...

– Вот как? – безразлично осведомился он.

Девушка кивнула, поставила щенка на землю, погладила и ободряюще потрепала мальчика по голове.

– Желаю найти хозяев для каждого.

Но не успела она сделать и трех шагов, как что-то снова дернуло ее за подол. Александра обернулась. Щенок мгновенно отпустил юбку и уселся, высунув язык с комически-благоговейным выражением на мордочке.

– Я ему понравилась, – смеясь, беспомощно объяснила Александра. Нагнувшись, она развернула щенка к остальным и чуть подтолкнула. Но тот упрямо отказывался двинуться с места. Алекс послала извиняющуюся улыбку пушистому комочку и позволила Джордану проводить ее до кареты.

– Должно быть, этот отрезок дороги не такой гладкий, как раньше, – заметила она немного нервно через час, когда тяжелый дорожный экипаж снова сильно качнулся, наклонившись влево, но тут же выпрямился и покатился дальше.

Сидя напротив нее со сложенными на груди руками, Джордан коротко ответил:

– Ошибаешься.

– Тогда почему же карету так трясет? – удивилась Александра несколько минут спустя, едва не слетев с сиденья. Но прежде чем Джордан успел ответить, она услышала, как кучер крикнул «тпру!» и остановил лошадей у обочины.

Выглянув наружу, Александра увидела лишь густой лес. Но тут дверца распахнулась, и в окне появилось измученное лицо кучера.

– Ваша светлость, – покаянно пробормотал он, – я не могу править лошадьми и одновременно следить за этим вечным двигателем. Едва не вывалил карету в канаву, и все из-за него!

«Вечным двигателем», притулившимся на сгибе его руки, оказался извивающийся комочек коричнево-белого меха. Джордан устало кивнул:

– Хорошо, Гримм, давайте сюда это животное... Нет, сначала немного прогуляйтесь с ним.

– Я сама его выведу, – вызвалась Александра.

Джордан тоже вышел из экипажа и проводил ее к маленькой поляне недалеко от дороги. Повернувшись, Алекс подняла на мужа сияющие глаза.

– Добрее вас нет на свете человека, – прошептала она.

– С днем рождения, – покорно произнес он.

– Спасибо... огромное спасибо! – выдохнула она, чувствуя, как сердце разрывается от благодарности, особенно еще и потому, что муж, очевидно, был весьма невысокого мнения о подарке, который она так желала получить.

– Щенок совсем не станет мешать, вот увидите!

Джордан устремил полный сомнения взгляд на вышеупомянутое животное, обнюхивающее каждый дюйм земли, куда только мог дотянуться его любопытный нос, и взволнованно вилявшее коротким хвостиком. Наконец щенок нашел веточку и начал увлеченно ее грызть.

– Мальчик сказал мне, что он очень умен.

– Как все дворняжки.

– Но он не дворняжка! – запротестовала Александра, нагибаясь, чтобы нарвать розовых полевых цветов, растущих у самых ног. – Это английская овчарка.

– Что?! – потрясенно воскликнул Джордан.

– Английская овчарка, – пояснила Алекс, думая, что мужу просто неизвестна эта порода. – Они очень умны и вырастают не слишком большими. – И, заметив, что муж смотрит на нее с таким видом, словно она полностью потеряла рассудок, Александра добавила: – Этот милый маленький мальчик мне все рассказал.

– Этот милый маленький *честный* мальчик? – саркастически переспросил Джордан. – Тот самый, что поклялся, будто пес породистый?

– Да, конечно, – подтвердила Александра, склонив голову набок и удивляясь его странному тону. – Тот самый.

– В таком случае остается надеяться, что он солгал также и насчет родословной этого крошечного чудовища.

– Так он лгал мне?

– Причем бессовестно, – мрачно подтвердил Джордан. – Если вот *это* – английская овчарка, он должен вырасти размером с пони, этакий неуклюжий мохнатый великан с огромными лапами! Лучше бы его отец был маленьким терьером.

Он с таким отвращением оглядел будущую «овчарку», что Александра поспешно отвернулась, скрывая улыбку, и, став на колени, подняла щенка.

Юбка ее вишневого дорожного костюма ярким красочным пятном выделялась на фоне ковра темно-зеленой травы. Джордан смотрел на прелестного ребенка, ставшего его женой: ветерок играет каштановыми локонами, упавшими на алебастровую щеку, губы сосредоточенно сжаты, в одной руке маленький букетик розовых цветов, в другой – присмиревший щенок. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, окружали ее голову сияющим ореолом.

– Ты словно сошла с портрета Гейнсборо, – тихо признался он.

Завороженная чувственно-хриловатыми нотками его голоса и странным, почти благоговейным взглядом, Александра медленно встала.

– Я не такая хорошенькая.

– Разве? – шутливо удивился Джордан.

– Жаль, конечно, но, боюсь, из меня получится самая обыкновенная, ничем не примечательная женщина.

Невольная улыбка осветила смуглое лицо. Джордан медленно покачал головой:

– В тебе нет ничего обыкновенного, Александра.

Его решение держаться подальше от жены, пока та не повзрослеет и не сможет играть в романтические игры по его правилам, внезапно и безжалостно было подавлено непреодолимой потребностью смять эти нежные губы своими. Всего лишь раз.

И не успел он шагнуть к ней, как сердце Александры забилось в тревожном ожидании. Она уже знала, что предвещают эти горящие страстью глаза Джордана и его низкий, чуть гор-
танный голос.

Сжав ладонями ее лицо, Джордан запустил пальцы в темные локоны. Ее щеки были гладкими, как атлас, а волосы словно шелк. Джордан чуть запрокинул голову жены и с бесконечной нежностью завладел ее губами, твердя себе, что так поступать может лишь безнадежный безумец, а когда она робко ответила на поцелуй, забыл обо всем и хотел было прижать ее к себе, но пригревшийся щенок громко запротестовал, испустив пронзительный негодующий визг. Джордан резко отстранился.

Садясь в экипаж, Александра все еще безуспешно пыталась скрыть, как разочарована внезапно прерванным поцелуем. Джордан, однако, испытывал огромное облегчение по поводу того, что все так скоро закончилось; в противном случае ему бы, несомненно, пришлось выслушать еще одно объяснение в любви от сентиментальной девочки. Вряд ли простое «спасибо» удовлетворит ее на этот раз, а он не хотел сокрушить робкие надежды молчанием или терзать малышку наставлениями. Лучше подождать годик-другой, прежде чем уложить ее в постель. К тому времени бабушка сумеет сделать из Алекс светскую даму с куда более реалистичными, чем теперь, представлениями о браке и семейной жизни.

Приняв столь нелегкое решение, Джордан мгновенно повеселел.

– Ты уже придумала для него кличку? – осведомился он, глядя на щенка, деловито обнюхивавшего каждый угол.

– Может быть, Баттеркап?⁵ – предложила Александра, любовно улыбаясь маленькому созданию.

Джордан брезгливо поморщился.

– Дейзи?⁶

– Ты, должно быть, шутишь.

– Дендилайон?⁷

Глаза Джордана насмешливо блеснули.

– Да он не сможет смотреть в глаза другим псам!

Александра недоуменно уставилась на мужа:

– Мальчик сказал мне, что это «она».

– Вот уж ни в коем случае!

Не в силах поверить, что совсем еще несмышлениш смог так ловко ее провести, Александра наклонилась было, чтобы поднять щенка и проверить сама, но у нее не достало смелости.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Нельзя! – резко приказала она, когда щенок ухватился за подол юбки маленькими зубками. В ответ он потянул еще сильнее.

– Прекратить! – прогремел герцог. Мгновенно распознавший глас свыше, щенок присмилел, отпустил юбку, вильнул хвостом и немедленно свернулся у ног Джордана, положив голову на начищенные сапоги. В награду за столь неприкрытое выражение преданности он получил взгляд, исполненный такого невыразимого отвращения, что Александра, не в силах сдержаться, звонко расхохоталась.

– Вы не любите животных, милорд? – еле выговорила она задыхаясь.

– Только необученных и непослушных, – буркнул он, не сумев, однако, устоять против заразительного веселья ее мелодичного смеха.

– Я назову его Генри! – внезапно объявила Александра.

– Почему?

⁵ Лютик (англ.).

⁶ Маргаритка (англ.).

⁷ Одуванчик (англ.).

– Потому что если он когда-нибудь превратится в огромного мохнатого зверя, то будет похож на Генриха Восьмого.

– Верно, – хмыкнув, согласился Джордан, чувствуя, как с каждой минутой, проведенной в ее обществе, у него улучшается настроение.

Остаток пути прошел в оживленных беседах обо всем на свете. К своей радости, Александра выяснила, что ее муж чрезвычайно образован, начитан и сам ведет дела в обширных поместьях, не говоря уже о десятках других деловых предприятий, сущность которых была ей совершенно недоступна. Из всего этого Алекс сделала вывод, что он способен взвалить на плечи любую ответственность и неукоснительно выполнить свой долг. Похоже, она уже заразилась болезнью, называемой идолопоклонством, причем в одной из самых тяжелых форм.

Джордан, со своей стороны, лишний раз убедился в том, что Александра действительно чувствительная, остроумная, неглупая и на удивление образованная. Он понял также, что жена куда более наивна во всем, что касается отношений между мужчиной и женщиной, нежели он предполагал. Доказательство он получил позже, после долгого, превосходно приготовленного ужина в гостинице, где им предстояло провести ночь. Чем дольше Джордан смаковал портвейн, тем более нервной и озабоченной казалась Александра. Наконец она вскочила и стала тщательно расправлять юбку, делая вид, что разглядывает ничем не примечательный дубовый столик.

– Превосходная работа, не так ли?

– Не особенно.

– Когда я смотрю на какую-нибудь утварь, – с отчаянием продолжала Александра, – мне всегда хочется узнать побольше о человеке, который так много трудился, чтобы ее сделать... ну... был ли он высоким или коротышкой, веселым или угрюмым... все такое.

– Неужели? – резко бросил он.

– Да. А вам?

– Нет.

Повернувшись спиной к нему, Александра осторожно предложила:

– Думаю, мне стоит взять Генри и прогуляться с ним перед сном.

– Александра.

Спокойный, почти безразличный голос заставил девушку застыть на месте. Она обернулась:

– Да?

– Не надо так отчаянно трусить. Я не имею ни малейших намерений спать с тобой сегодня.

Александра, мечтавшая лишь о том, чтобы поскорее добраться до ночной вазы, ошеломленно уставилась на мужа:

– Мне это и в голову не приходило. Почему вам вдруг может понадобиться ложиться в моей комнате, ведь гостиница достаточно велика, и вы, конечно, без труда снимете еще одну!

На этот раз настала очередь Джордана ответить ей непонимающим взглядом.

– Прошу прощения? – пробормотал он, не веря своим ушам.

– Разумеется, я буду рада, если вы разделите со мной постель, – тут же поправились она, почему-то чувствуя, что была по меньшей мере невежлива, – но не могу понять, к чему вам это. Сара, наша бывшая экономка, всегда утверждала, что у меня привычка метаться во сне, словно вытасченная из воды рыба, и я, конечно, стану всю ночь вас будить. Вы не возражаете, если я поднимусь наверх?

Несколько мгновений Джордан потрясенно смотрел на нее, забыв о поднесенном к губам бокале с вином, но тут же тряхнул головой, словно пытаясь собраться с мыслями.

– Конечно, нет, – ответил он странным, сдавленным голосом. – Как пожелаешь.

Глава 9

Джордан велел кучеру остановиться у следующей поляны рядом с обочиной, и Александра облегченно вздохнула. Они ехали без отдыха с самого обеда, и ей не терпелось пройтись и размять затекшие ноги. Однако муж развалился на сиденье и не выказывал ни малейших признаков утомления – должно быть, потому, что его костюм был не в пример удобнее.

Одетый в желтовато-коричневые лосины, сапоги и сорочку с широкими рукавами и распахнутым воротом, он явно был гораздо лучше подготовлен к долгому путешествию, чем Александра. Сегодня на ней три нижние юбки, ярко-желтая верхняя и белая шелковая блузка под желтой ротондой, отделанной темно-синей тесьмой. На шее красуется шарф в желто-белоголубую полоску, руки затянuty в желтые перчатки, на голову задорно надвинута соломенная шляпка, украшенная желтыми лентами и шелковыми розами и завязанная под подбородком. Ей было жарко, душно, и при мысли о глупых молодых леди, стремившихся следовать столь дурацкой моде, в душе девушки кипела глухая ненависть. До чего же несправедливо, что джентльмены могут одеваться как захотят!

Лишь только карета остановилась и кучер опустил подножку, Александра подхватила Генри и, торопясь поскорее выбраться, наткнулась на Джордана. Тот ответил ей понимающим взглядом и откинулся на спинку сиденья. Дав жене время позаботиться о неотложных нуждах, что, по его предположению, и было причиной спешки, он спрыгнул на землю, пробрался сквозь кусты и вскоре очутился на живописной маленькой полянке.

– Разве здесь не чудесно, Генри?

Девушка стояла посреди поляны, воздев руки к небу; у маленьких ножек сидел щенок. Второй раз в жизни Джордан пожалел, что здесь нет художника. В ярко-желтом костюме, окруженная густой зеленью, пестревшей радужными красками цветов, Александра казалась воплощением юности, грации и кипучей энергии – веселая лесная нимфа, одетая по последней моде.

Усмехнувшись неожиданно поэтическому обороту, который приняли его мысли, Джордан ступил на поляну.

– О, это вы! – воскликнула она, быстро опуская руки. Но на лице при этом отразилось явное облегчение.

– Кого ты еще ожидала?

Пытаясь выиграть побольше времени, прежде чем придется вернуться в экипаж, Александра наклонилась и сломала длинную тонкую ветку с поваленного дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.